

Владимир
Колганов

УЙТИ
ИЛИ
ОСТАТЬСЯ
?

Владимир Алексеевич Колганов

Уйти или остаться?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70117129

SelfPub; 2023

Аннотация

Главному герою кое-что не нравится в устройстве нашей повседневной жизни. И вот он спорит то с подругой, то со «вторым я» в своём воображении, то с приятелем, банкиром, владельцем телеканала и прочее, и прочее. Ну а заканчивается это противостоянием тем, что в главного героя вселился бес.

Владимир Колганов

Уйти или остаться?

«Каждый писатель для меня вроде как бы сумасшедший»
Корней Чуковский

Сразу предупреждаю, что в этой книге я буду пересказывать и то, о чём писал в прежних своих книгах. Но тут уж ничего не поделаешь – если решил взяться за такую важную тему, приходится цитировать и самого себя. Впрочем, таких заимствований совсем немного. Ещё одно признание: кое-где приврал. Всё потому, что в памяти сохранились не все картины прошлого и кое-что пришлось додумывать. Надеюсь, если кто-то узнает себя в персонаже этой книги, он не будет обижен тем, что не всё соответствует реальности. Но в основном, так оно и было, как я описал.

Глава 1. Ультиматум

Как-то поздним вечером отправились с подругой в кино. Давно уже я такими «изысками» не увлекался, ни театров, ни концертных залов, ни картинных галерей не посещал, но она все уши прожужжала:

– Ах, это такой фильм! Знаменитый режиссёр и актёры все как на подбор. Не пожалеешь!

Вообще-то, жалость мне не свойственна. В том смысле,

что без толку жалеть себя, если что-то в жизни не сбылось, к примеру, не сумел сделать успешную карьеру или заработать миллион долларов. А уж сожаление о том, что зря потрачены минуты и часы – это и вовсе бесполезное занятие хотя бы потому, что, в основном, из таких растянувшихся во времени, ничем не заполненных мгновений и складывается наша жизнь, вот только не всегда мы это замечаем.

Ну вот пришли, сидим, смотрим на экран... Нет, ничего не понимаю – то ли совсем отупел, то ли это действие предназначено для великовозрастных подростков, а я как бы не вписываюсь в эту категорию.

Минут через десять говорю:

– Пошли домой! У меня от этой лабуды будет несварение желудка.

А она в ответ:

– До чего ж ты привередливый! Ну и потом, ведь деньги заплатили, а коли так, надо получать обещанное удовольствие.

– Даже если это блюдо несъедобно?

– Мне нравится, а ты немного потерпи.

Надо было прихватить с собой беруши – надёжные, французские, мне приятель из Гренобля недавно их прислал. А так, даже если закрыть глаза, спасения нет от этой тягомотины.

– Ты как хочешь, а я больше не могу!

– Хочешь испортить мне настроение? В кои-то веки вы-

брались в кино, а ты всё портишь.

Тут сзади зашикали:

– Вы не могли бы отложить выяснение отношений до того, как фильм закончится?

– Совсем распустилась молодёжь!

Ну вот, меня уже в молодые записали! Хотя подруга и впрямь застряла в этом возрасте. А эти туда же – небось, жуют попкорн и наслаждаются. И лишь один я тут как аленький цветочек болтаюсь в проруби, либо и того хуже – узник подземелья, о том только и мечтаю, как бы выбраться наверх.

Наконец-то выбрался – два часа убеждал себя, что бывают фильмы и похуже, пытался найти хоть какое-то оправдание тому, что сижу как пень посреди битком набитого зрительного зала. Увы, так и не нашёл ничего, за что бы можно было зацепиться. Когда выходили на улицу, услышал разговор пожилой пары – вроде бы это те, что сзади шикали:

– У нас с кино совсем беда. Есть кино про войну, сострепанное явно по заказу, есть нелепые комедии. Зачем делают кино про спорт, я совсем не понимаю. Куда приятнее смотреть спортивные состязания вживую! А ещё этот нескончаемый поток примитивных боевиков и детективов.

– Всё именно так, Мотя, за редким исключением.

– Но почему? Ну вот не верю я, что у нас нет хороших сценаристов, режиссёров. Говорят, будто мало свободы и мало вкуса, что якобы не нельзя открыто говорить на многие темы и потому приходится прибегать к картонно-целлулоид-

ной картинке. Но речь ведь идёт не о публицистике, а о художественном кинематографе, где главное место занимает созданный талантом режиссёра образ, а вовсе не слова. В конце концов, есть Эзопов язык, поэтому совсем необязательно произносить с экрана пламенные речи, обличая вороватых чиновников и бездарных генералов.

– Ты прав, Мотя! Только потише говори, тут же люди кругом.

Я не счёл возможным вмешаться в этот разговор, да и подруга за руку тянула – в полночь должен быть ещё какой-то фильм, но это уже по телевизору. Если «8½» Федерико Феллини или «Ночь» Микеланджело Антониони, тогда и я посмотреть не прочь. А в голове тем временем крутилась мысль: ну почему всё так? И пока добрались до дома, пришёл к следующему выводу: в погоне за прибылью приходится работать по шаблону – на создание хорошего сценария нет времени. А может быть, всё гораздо проще – таланта не хватает?

Оказалось, что та пожилая пара обитает в том же доме, что и моя подруга – она сама завела с ними разговор, когда вошли в подъезд и ждали лифта:

– Матвей Гаврилыч, ну и как вам фильм?

– Знаете, Лиза, я испытываю смешанные чувства. С одной стороны благодарен создателям за то, что трудились не покладая рук, желая создать нечто такое, что доставит наслаждение зрителям, но с другой... – тут он взглянул на свою

спутницу, словно бы прикидывая, одобрит ли она возникшую в его голове мысль или нет: – А давайте-ка продолжим этот разговор за чаем!

Супруга поддержала:

– Я как раз шарлотку испекла.

– Да, да, непременно приходите, Лиза, вместе с вашим другом.

Тут пришла пора и мне вставить своё слово:

– Позвольте представиться, я Влад.

– Очень приятно! А это моя дражайшая половина, Софья Никодимовна. Так мы вас ждём.

Когда уже вполне готовы были к тому, чтобы нанести визит соседям, я решил прихватить с собой бутылку коньяка, но Лиза отсоветовала:

– Насколько я знаю, у них дома действует «сухой закон».

Ну разве что бокал шампанского на Новый Год.

– Но как-то неудобно идти с пустыми руками.

– А ты подари одну из своих книг.

На том и порешили.

Хозяин дома был подарку очень рад, или только сделал вид. Однако нельзя же хвалить книгу не читая.

И вот сидим за столом, пьём чай, заваренный «по особому рецепту». Всё замечательно, как будто встретился со старыми друзьями, да и шарлотка оказалась очень вкусная. Наконец, дело дошло и до кино. Солировал, в основном, хозяин дома – в его памяти скопилось огромное количество различ-

ных сведений, цитат и мнений, которые требовали выхода:

– Несколько лет назад прочитал в «Нью-Йорк Таймс» любопытную статью. Её автор, малоизвестная писательница была настроена весьма скептически по отношению к кино, даже использовала термин «вырождающееся искусство». Всё потому, что коммерческое кино избрало стратегию конвейерного производства вторичных продуктов, комбинирования готовых ходов и приёмов в надежде на повторение былых успехов. Признаться, мне эта точка зрения весьма близка.

Судя по всему, Софья Никодимовна не решилась возразить супругу, а вот Лиза словно бы с шашкой наголо пошла в атаку:

– Да как так можно? В наше время кино – это одно из немногих искусств, которое способно приносить людям радость. Если бы его не было, можно было бы от скуки удавиться!

– Ну, это уж чересчур, дорогая, – попыталась урезонить Лизу Софья Никодимовна. – Нельзя же принимать так близко к сердцу всё, о чём мы тут говорим. Это всего лишь пустая болтовня, надо же как-то время скоротать.

Матвей Гаврилович насупился – видимо, не ожидал таких слов от своей супруги. Чтобы сгладить возникшую неловкость, я попытался опровергнуть мнение автора статьи.

– На мой взгляд, причина упадка кино совсем не в том, что идёт естественный процесс его вырождения как искусства. Скорее уж, признаки вырождения присутствуют у тех,

кто превратил кинематографию в средство для наживы – желание получить максимальную прибыль заставит воротил киноиндустрии пойти на любые ухищрения, не задумываясь, к чему это может привести. Ну а результат таких действий предсказуем – следом за вырождением кино наступает время вырождения зрителей. Воспитанные на нынешних фильмах они постепенно превращаются в узколобых исполнителей чужой воли – словно бы по свистку бегут покупать новый айфон, смотреть очередную серию про Бэтмена или голосовать за навязываемого им кандидата в президенты.

Тут Лиза снова возбудилась:

– Это я, что ли, узколобая?

Пришлось оправдываться:

– Лизон, у тебя симпатичный лоб вполне приемлемых размеров. Возможно, даже шире, чем у меня.

– Издеваешься? Ты же носишь кепку шестьдесят первого размера, да и та еле налезает!

Теперь уже Матвей Гаврилович пришёл на помощь:

– По-моему, вы несколько сгущаете краски, Влад, хотя доли истины в ваших словах есть. Но не всё так плохо. К счастью, современная живопись и музыка не могут принести доход, сравнимый с тем, что даёт кино. К примеру, киноиндустрия США зарабатывает около ста миллиардов долларов в год, а звукозаписывающая индустрия в восемь раз меньше. Поэтому ещё сохраняется надежда на то, что музыка избежит участи кино, а человечеству не угрожает глобальное

одурение. Кстати, какие у вас в музыке приоритеты?

– Мне нравится американский джаз.

– Не вполне патриотично. А вы, Лиза?

– Я без ума от Шамана!

– Это ещё кто такой?

– Да Ярослав Дронов. Разве бы не знаете?

– Видите ли, мы с Софьей предпочитаем классическую музыку. Первый концерт Чайковского, ну и всё такое...

Софья Никодимовна поспешила уточнить:

– У меня эта привязанность возникла в тот год, когда в Москву приехал Ван Клиберн... А ещё балет. Мы с Осей регулярно ходим в Большой, не пропустили ни одной премьеры.

В общем, неплохо посидели. А когда чаепитие подошло к концу, и мы с Лизой собирались покинуть гостеприимную квартиру, Матвей Гаврилович улучил минутку и торопливо прошептал, чуть ли не присосавшись к моему уху:

– Скажу вам по секрету, что от классической музыки меня мутит. Ну а балет... Эти пляски и прыжки под музыку никогда меня не возбуждали, скорее уж наоборот. Но разве можно отказать дорогой супруге, которая в это зрелище буквально влюблена?

Ну вот и я предпочёл бы пригласить Лизу в ресторан, нежели таскаться по театрам. А пока поднимались на свой этаж, пришёл к такому выводу: «Разнообразие музыкальных вкусов можно вроде бы приветствовать, но, если свои при-

страстия вынужден скрывать, есть риск получить нервное расстройство». Когда пришли домой, так и заявил:

– Лизон, больше я в кино с тобой не пойду. И в театр тоже. Хватит всего этого с меня!

Она сразу в слёзы:

– Ты меня бросаешь?

– То есть как?

– Одинокая женщина в зрительном зале... Да у таких на лице написано, что муж ушёл к другой.

А я опять недоумеваю:

– Но если у мужа иное мировосприятие?

– Тогда не надо было заводить семью!

Положим, я ничего не заводил – если живём вместе, это не значит, что до смертного одра. Заранее никто знает, как оно получится. Вот и теперь есть ощущение, что у нас это долго не продлится, и не потому, что я закоренелый волокита, донжуан. Да нет, просто я уже не выдержу. Поэтому и сказал:

– Или я, или дебильное кино!

В общем, собрал вещи и ушёл. Возможно, поспешил... Или совсем наоборот – надо было это сделать ещё раньше.

Теперь вот сижу у телевизора в своей однокомнатной квартире, смотрю футбол, и нет никаких причин, чтобы напяливать дублёнку и тащиться в непроглядной тьме в кинотеатр в надежде насладиться очередным шедевром кинопроходимцев.

И вдруг из кухни раздался странный звук, словно бы лам-

почка лопнула или, не дай бог, сломался холодильник – давно пора его сменить, но всё руки доходят.

Бегу на кухню и что же вижу... Голый, небритый мужичонка весьма непрезентабельного вида сидит на краю обеденного стола, болтая коротенькими ножками и покачивая непропорционально большой кудрявой головой. В чёрных волосах застряло несколько витков древесной стружки, которой обычно прокладывают легко бьющийся фарфор при транспортировке, а на бедре отпечатался знак опрокинутой рюмки и полустёртая надпись «Не кантовать!».

– Не узнаёшь? Странно, прежде не раз ко мне за поддержкой обращался, неужто не припоминаешь? – гадливо ухмылялся коротышка, почёсывая пухленький живот. – Я же твоё «второе я»!

– Ты на меня совершенно не похож...

– А с какой такой стати ты нас сравниваешь? Будь мы единокровными братьями-близнецами, ещё куда ни шло. Вот ведь моду взяли! Что ни клиент, то сам себе «второе я» по собственному образу и подобию подбирает. И чтобы по росту подходил, и даже по образованию. А не проще ли попросту взять, да и клонировать себя? Тогда ведь никаких тебе поводов для беспокойства не будет: «сегодня ты, а завтра я». А, в сущности, какая разница? – мужичонка мечтательно закатил глаза: – Сегодня я второй, а завтра буду прямо-таки на твоём диване обретаться. Кто был ничем, тот... ну, дальше ты и сам догадываешься.

– Не ты эту квартиру покупал. Не тебе и... – трудно переключиться с футбола на серьёзный разговор, а потому не смог выразить мысль более внятно и доходчиво. – В конце концов, это неприлично, прийти в гости и навязывать хозяйину квартиры свои правила.

– Да ладно, что ты понимаешь в приличиях? Вот я сижу ослепительно голый пред тобой, совсем как девка на выданье? Ну так и что? В конце концов, мы не на партийном съезде или в обществе почтенных дам, тут ведь все свои. Послушай, а может, и тебе стоило бы того... для уравнивания ситуации разоблачиться? Тогда и поглядим, кто из нас герой, – и мужичонка заразительно захохотал.

– Послушай, если будешь хамить, я тебя из дома выставлю!

– У нашего дитяти зубки режутся, – мужичонка откинулся на спину и засучил ножками, изображая неопиcуемый восторг. Затем, перестав смеяться, снова сел и деловито произнёс: – Ладно, так и быть, все материальные и плотские утехы заberi себе, пользуйся на всю катушку, я на всю эту хренотень не претендую. Ну а мне оставь, к примеру, это... как его... ну, скажем, психологию и прочие морально-нравственные устои...

– Да уж, при твоей-то роже только и заниматься психологией...

– Ты сам-то много ли в этом понимаешь? К примеру, знаешь, отчего распался «Битлз»?! – возопил обиженный про-

хвост, в азарте спора хлопая себя ладонями по волосатым ляжкам. – Да просто Пол с Джоном партнёра не поделили, вот и все дела, а ты туда же, психология... А отчего думаешь, этот... известный наш физик-теоретик в науке оказался плодовит? Да потому что бабник был отчаянный. Ну а таким, как ты, видать, слабо...

Нет, этого я вытерпеть уже не мог, что-то с ним надо было срочно делать. Я потянулся к прохиндею, норovia ухватить его рукой за голую лодыжку, но тот вопреки дебильной внешности оказался куда проворнее меня. В следующее мгновение, сделав головокружительный кульбит, мерзопакостник уже сидел верхом на бра, до той поры предназначенного всего лишь для освещения обеденного стола, но вот теперь неожиданно-негаданно превратившегося в насест для этого подонка. Ну а стеклянный с золотистой окантовкою плафон вместе с горящей лампочкой уместился как раз между его ног, демонстрируя сияющее естество непропорционально увеличенных размеров. Однако стоваттный подогрев подействовал вполне понятным образом:

– Чтоб вам так было! – завопил негодник, как ошпаренный, для убедительности прибавив кое-что совсем уж непристойное.

То-то, проняло! Как утверждают, при неожиданных обстоятельствах некоторым представителям гомо сапиенс свойственно кричать на крайне редко употребляемом ими языке – вроде бы обычно такое приключается при родах. Вот и это

чудо акушерского искусства, что удивительно, сподобилось. Впрочем, с чего это я решил, будто он и в самом деле моё «второе я», когда в ярком свете бра ясно наблюдается совсем другое.

– Эй, Ося! Ты, часом, не в церковном ли хоре по воскресным дням поёшь? Голосистый больно.

– Будешь на моём месте, ещё не так запоёшь, – отвечал мне Ося, с высоты плафона плюхнувшись в салатницу. – Чтоб я так жил, но это же явное унижение моего достоинства.

Ося, знакомый мне ещё по летнему отдыху в Крыму под Судаком во времена блаженной юности, тот самый Ося, теперь владелец телеканала, сети винных магазинов и частных клиник, банкир и меценат, когда-то начинавший свою звёздную карьеру с торговли резиновыми пупсиками на барахолке, сидел на краешке стола и, слизывая остатки майонеза, весьма кстати прикрывавшие его могучий «срам», рассуждал о недостатках моей личности.

– Я вот что тебе скажу. Беда твоя в том, что ты пытаешься мыслить головой, а вот того не понимаешь, что для этого занятия куда больше ещё целая куча органов подходит. К примеру, особо нервные предпочитают мыслить сердцем, люди рационального склада мышления рассуждают животом. Начальство принимает эпохальные решения тем самым местом, что к руководящему креслу приспособлено...

– Ну и каким же местом ты сам думаешь? – оборвал я Осю,

не желая дольше слушать его брехню про уважаемых людей.

– А я на вас на всех вот это самое и положил, – деловито ответил Ося, долизывая майонез.

В конце концов, и то верно, не пропадать же соусу. Ну а пока я раздумывал о том, что дальше предпринять, Ося продолжал свою брехню:

– Кстати, а что это ты один сегодня? Прежде не замечал у тебя пристрастия к одиночеству.

– Да вот, с подружкой разошлись во взглядах на современное кино.

Ося снова хлопнул ладошками по бёдрам и прокричал:

– Так я и думал! Вовчик, ты безнадёжно отстал от времени, не понимаешь нынешних приоритетов. Бери то, что пока дают, а то и этого не будет. Да и вообще, теперь в фаворе телевидение, интернет и прочее развлекалово. Всё потому, что жизнь слишком сложна, а людям нужен отдых, причём такой, чтобы, по возможности, не напрягать мозги.

– И в результате все превратятся в идиотов.

– А ты предпочёл бы жить среди Достоевских, Эйнштейнов и Чайковских? Да ты и дня в обществе этой публики не выдержишь, такое там занудство. В общем, выбрось эту муть из головы!

Он исчез так же неожиданно, как появился, а я так и не решил, что лучше – возмущаться тем, что дурят людям головы, либо принять происходящее как данность без всяких рассуждений на тему «зачем и почему», и на этом успоко-

иться. А Ося что ж, видимо, вообразил, что он теперь моё «второе я», и потому так просто не отвяжется.

Глава 2. Житие святых

Меня давно занимал вопрос: почему люди сходятся, а потом расходятся? То ли характерами не сошлись, то ли муж приревновал жену и поставил крест на семейной жизни, либо просто нашёл другую, помоложе. И вот о чём подумал. Максим Горький и Алексей Толстой были женаты по три раза, Михаил Булгаков также следовал этому неписанному правилу. Пушкину гораздо меньше повезло, а Лермонтов так и остался холостым, но оба ушли в мир иной, не дожив до сорока, да и времена были другие, не то, что нынешние, когда никого не удивишь бракосочетанием в пятый раз, а бывает, что счёт доходит до семи. Но что становится причиной разрыва и можно ли создать счастливую семью, если речь идёт о людях творческих профессий?

Попалось на глаза интервью в недавнем прошлом очень популярной актрисы. Талантом и красотой не обделена, да и любовников, если верить слухам, было предостаточно. Так вот, актрисе непонятно, зачем прилагать столько усилий, чтобы выйти замуж, если в наше время так легко развестись. Свобода для неё на первом месте, а брак – это ещё одно ограничение, которых и без того в нашей жизни больше, чем хотелось бы. Возможно, на её мнение о браке повлияло предостережение Гёте, который знал немало женщин, одарён-

ных в разных областях искусства, однако с замужеством всё это заканчивалось – слишком много времени приходилось уделять своему супругу и заботе о малых детях.

Но вот узнаю, что актриса вышла замуж – избранником стал актёр, вовсе не бездарный, но ей, увы, и в подмётки не годится. Дай бог им создать счастливую семью, хотя от разрыва отношений никто не застрахован – тому есть немало примеров, особенно в артистической среде. Не повезло «радистке Кэт» из «Семнадцати мгновений весны» – сначала из семьи ушёл отец, известный архитектор, а затем и муж, выйдя за которого «Кэт» надеялась вернуть былое благополучие, когда исполнялись все её желания. Вот и героиня сериала «Куба» от измены мужа пострадала. Не хотелось бы заканчивать рассказ о замужестве молодых талантливых актрис на столь печальной ноте, поэтому приведу слова из романа Тургенева – это что-то вроде изложенного в завуалированной форме совета молодым супругам: «Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по убеждению... Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви».

Понятно, что кому как повезёт, а в идеале требуется и общность интересов, и совпадение характеров, что не всегда случается. Но самое главное – супругов всё должно «устраивать» в том смысле, что на большее рассчитывать нельзя! Что я имел в виду? Попробую пояснить на одном примере.

Представьте, что познакомились двое молодых людей. Он

балагур, душа любой компании, к тому же хорошо разбирается в кулинарии, что в семейной жизни может пригодиться. Помню, приготовил баранью ногу с зелёной фасолью – пальчики оближешь! Но есть недостаток – рано начал лысеть, то есть внешне не похож на прекрасного принца, о котором мечтают многие девицы. А вот его подруга на загляденье хороша – вылитая Марина Влади, правда, не столь изящная, однако это дела не меняет. В общем, они друг друга полюбили, и всё бы хорошо, но тут пришла беда – выяснилось, что у неё проблемы со здоровьем. Жизни пока ничто не угрожает, даже сможет родить ребёнка, и всё же у её избранника возникли немалые сомнения. И тут решающую роль сыграл тот самый недостаток в его внешности – попробовал найти другую симпатичную подругу, но ничего не получилось, и через полгода возобновил отношения с «Мариной Влади». Вскоре после женитьбы у них родился сын, и жили они счастливо ещё лет двадцать. Рискну предположить, что в глубине души оба понимали – как ни обидно это прозвучит, на лучшее трудно было бы рассчитывать. Ну а потом болезнь обострилась, и её не стало. Пожалуй, это тот самый случай, когда можно говорить хотя бы о недолгом, но семейном счастье.

Мне так и не удалось увидеть ещё одну столь же счастливую семью – разве что с чужих слов знаю об их существовании, хотя таким свидетельствам не склонен доверять. Впрочем, как-то ехал в электричке, а чуть впереди меня сидела молодая пара с ребёнком: женщина лицом ко мне, а её муж

– спиной. Я никогда больше не видел такого счастливого лица, оно сияло каким-то нездешним счастьем, эту женщину совершенно не волновало то, что происходит вокруг – есть только муж, ребёнок и она. Признаюсь, позавидовал мужу белой завистью и порадовался за неё. Но вот на следующей остановке они направились к выходу, и тут я увидел лицо мужа – равнодушное и даже чем-то недовольное. Сказка кончилась, толком не начавшись.

Вот и с Львом Толстым не всё понятно – то ли удалась семейная жизнь, то ли нет. В письме своему другу, двоюродной тётке Александре Андреевне, Толстой пишет, что счастлив, что не имеет никакого желания, кроме того, чтобы «всё шло по-прежнему». Ну а в дневниках совсем другое: «Ужасно, страшно, бессмысленно связать своё счастье с материальными условиями – жена, дети, здоровье, хозяйство, богатство...»

Тут что-то вроде раздвоения личности. Муж и отец вполне доволен жизнью, а вот писатель и философ страдает, поскольку семейные отношения тяготят, мешают его творчеству, тем более что философских идей Толстого никто в семье не понимал. Иван Бунин в книге «Освобождение Толстого» ссылается на разговор, свидетелем которого он не был. Так вот, Толстой якобы тогда сказал: «Ненавижу Софью Андреевну, да и всех женщин! Умру, положат в гроб, закроют крышкой, а я вдруг вскочу, скину её и крикну Софье Андреевне: "Ненавижу!"». Так нередко получается – от любви

до ненависти один шаг, и хорошо, если всё заканчивается без трагических последствий для обоих. Самое простое в этой ситуации – одному из них уйти. Вот и Лев Николаевич ушёл куда глаза глядят.

Ну а теперь от семейных неурядиц и душевных переживаний актрис, актёров и российских классиков вернёмся в ту реальность, которая мне ближе и понятнее. Сам я не женат и всего два раза делал предложение руки и сердца – не то, чтобы всерьёз, то есть стоя на коленях и в одной руке держа букетик алых роз, а в другой заветную коробочку с обручальным кольцом, предназначенным моей избраннице. По сути и по содержанию, это был всего-навсего намёк, поскольку в первом случае оба были подшофе, так что нет смысла придавать моим словам какое-то значение, а во втором всё свелось к обсуждению – стоит ли оформлять наши отношения и будет ли от этого какой-то прок. Впрочем, друзья и знакомые много раз пытались наставить меня на путь истинный, но я не дался. Пожалуй, основная причина в том, что у меня аллергия на стандарты и шаблоны. Когда говорят, что надо делать так и так, причём только потому, что это принято в приличном обществе, в моих жилах словно бы закипает кровь и я с трудом сдерживаюсь от того, чтобы сказать что-нибудь обидное. Слава богу, в писательском труде стандарты не поощряются, разве что при оформлении рукописи перед тем, как отдать её в издательство.

Помнится, подруга одной девицы, с которой у меня был

длительный роман, пыталась убедить, что никого лучше мне «ни в жисть» не найти. Да я и не искал, в столь важном деле полагаясь лишь на волю случая. А вдруг встречу такую, что забуду обо всём, даже о том, что творчество с семейной жизнью практически несовместимо. Но не сбылось – может быть, оно и к лучшему. Всё потому, что теперь уже не встанет передо мной трагический в своей неразрешимости вопрос: уйти или всё-таки остаться?

Бывает и так, что от возлюбленного ждут вовсе не высоких чувств, а высокого должностного положения и материального достатка. Вот и Полине требовался доктор каких-то там наук с личным автомобилем и целой кучей почётных степеней и званий. Признаюсь, её фантазии, наполненные ясным смыслом и заботой о совместном процветании, поначалу увлекали и меня.

– Ты будешь делать карьеру, а я тебе буду помогать! – нежно шептала мне на ухо Полина, будем называть её здесь так. И я млел от восторга, прижимаясь к её белой, такой желанной, такой восхитительной груди.

В тот год Полина предложила отдохнуть вдвоём в Мисхоре.

– Ах, как чудесно было бы! – воскликнула она, пытаясь при этом повиснуть у меня на шее. Видимо, запаматовала, что я этого не люблю, и уж совсем не переносит таких нагрузок моя поясница.

Впрочем, против поездки я не возражал. Пришло то са-

мое время, когда надо расставаться с прежними привычками, с раздольной жизнью где-нибудь на диких пляжах под Судаком или недалеко от Коктебеля. И шампанское впрору уже научиться пить только из бокалов, а консервированным сосискам made in Denmark следует предпочесть более солидное меню. Вот именно так мы тогда и порешили.

После нескольких попыток нам удалось снять приличную квартирку – не очень близко к морю, но зато уж в относительной тишине. Помнится, как-то в Гагре мы с ребятами жили в доме, неподалёку от которого вниз по склону горы располагался ресторан, весьма популярная, особенно по вечерам, достопримечательность местного курорта. «... За жизнь нашу цыганскую, за жизнь нашу армянскую...» – вот эта знаменитая, бессчётное число раз, на самые разные лады повторяемая фраза из известного романа возникала в моих ушах каждый раз, стоило увидеть где-нибудь на черноморском берегу даже самое захудалое кафе. Возможно, именно поэтому я с тех пор и предпочитал отдыхать преимущественно дикарём, вдали от мест скопления курортников и кочующих по городам оркестров. Но это был особый случай.

Надеюсь, все согласятся с утверждением, что свобода лишней не бывает. Свободой надо пользоваться, пока она есть, пока дают. Поэтому стоит ли удивляться тому, что, наскоро подкрепившись после утомительной дороги, мы первым делом, не дожидаясь ночи, решили опробовать кровать. Двухспальная, деревянная, она на первый взгляд производила

весьма благопристойное впечатление, обещая много приятных дней, часов, ну или хотя бы несколько минут...

Скрип несмазанных колёс телеги и даже скрежет рессор изрядно перегруженного тягача, слейся они в унисон и воедино, не смогли бы сравниться с тем, что огласило ближайшую округу и вершины окрестных гор. Стаи чаек поднялись над гаванью и скрылись в отдалении, ласточки и стрижи попрятались на чердаках. Местные жители и тихо-мирно отдышающие квартиранты высыпали из домов и из курятников на улицы, ожидая катастрофы – что поделаешь, если у всех одновременно возникла мысль, будто эти звуки издавала нависшая над побережьем огромная гора, которая совсем некстати, то есть по какой-то кошмарной, никем не предусмотренной причине вдруг пришла в движение.

На самом же деле, это не земля разверзлась, и крымские горы тут были явно ни при чём, и незачем было возводить на них напраслину. Эти неприличные звуки издавала наша великая труженица, наша производительница, наша заботливая попечительница – деревянная кровать.

Самое время было это безобразие прекратить, но что-то не вполне понятное творилось в эти мгновения с Полиной, я даже подумал, уж не потеряла ли она на время слух. Трудно было поверить, чтобы в её сознании, а может быть, где-то глубоко в подкорке именно эти звуки ассоциировались с таким понятием, как «секс». О тонких и возвышенных чувствах я вообще не вспоминаю.

И тут Полина прокричала:

– Это же чудо какое-то!..

В этот момент словно бы что-то стукнуло меня, причём самым непозволительным образом – так, наверное, бьют исподтишка. Э, нет! А вот об этом мы не договаривались. Так ведь, чего доброго, ляжешь в постель совсем свободным, а наутро проснешься закованным в стальные кандалы в полном соответствии с разработанным ею планом. И тогда всё – пиши пропало!

Но видимо, оголтелый скрип кровати способен напрочь заглушить те робкие сомнения, которые время от времени рождаются в нашей голове. Тем более что голове при этом деле положено быть в довольно длительном невразумлении. А может, всё гораздо проще, то есть я был пьян, вот только не вполне уверен – от любви или от вина местного разлива. Ещё менее вероятно, чтобы в тот вечер стрелы Амура по нелепой или кем-то подстроенной случайности все до единой пронзили только Полину и меня.

А наутро она меня спрашивает:

– Вовчик, ты помнишь, что говорил вчера? – и делает такие пронизательные, такие умные и такие наивные глаза.

И что я мог ответить? Если честно – я был просто ошарашен! Нет, ну в чём бы я ни признавался накануне, какие бы романтические предложения ни высказывал, нельзя же словно бы нож к горлу приставлять – скажи да скажи, ты правду говорил или же опять... Ну как так можно? То есть, может

быть, я что-то и говорил ещё вчера, но вот сейчас именно – ничего, ну просто абсолютно ничего не в состоянии припомнить. И вообще, в чём собственно дело и почему я обязан что-то вспоминать?

Ах, эти нежные, милые создания! Уж так они любят красивые и ласковые слова. Их хлебом не корми, дай только послушать. Я ещё могу понять, когда дело происходит в колумбийской мыльной опере. Но если мужчина изрядно подшофе, да ещё оба находятся в известных обстоятельствах, когда ни она, ни он не имеют возможности оценить реальность беспристрастно, можно ли доверять сгоряча высказанному мнению? Приятно слышать – тут я с вами соглашусь. И верить в искренность намерений тоже можно. Даже нужно! Но ведь и то необходимо понимать, что всё, что при этом было сказано – это же не для протокола!

После всех описанных здесь перипетий вывод стал предельно ясен. Поэтому и Полина осталась в далёком прошлом, по крайней мере для меня.

На следующий год я снова приехал в Крым, но уже один – как раз накануне мы с Полиной решили поставить крест на наших отношениях. В небольшом посёлке под Судаком меня поджидала весёлая компания – однокурсники, ну и конечно несколько девиц. Да с Полиной ни одна из этих не сравнится! Так что извините, милые, ничего вам здесь не светит, даже не надейтесь. Это если кто-то положил глаз на меня. Ведь всё предельно ясно – я в тоске, страдаю от разлуки, поэтому не

приставайте, а не то... Тут даже объяснять не нужно, каждая поймёт. Но оказалось, всё не так.

Как-то незаметно, потихоньку одна из них словно бы приклеилась ко мне, не отходила ни на шаг, а на пляже как бы невзначай усаживалась рядом. Стоило мне войти в воду, как она тут как тут – плавает ничуть не хуже меня, так что от такого соседства не избавиться. А вечером, когда пели под гитару, прижалась к моему плечу – я грубости по отношению к девицам себе не позволяю, поэтому вежливо попросил немного отодвинуться. И правда, играть на гитаре, одновременно кого-то обнимая, – по-моему, это никому ещё не удавалось. Самое неприятное началось после того, как допили последнюю бутылку вина. Тамара, так её звали, буквально повисла на мне, давая понять, что не отпустит до самого утра. Ну как не стыдно! Я ещё не пришёл в себя после разрыва с Полиной, а она... К счастью, выручил приятель – чем-то отвлёк её, а я тем временем сбежал. Ну вот и что теперь прикажете мне делать? Плыть брассом прямо в Турцию или же вернуться в Москву? Одно было ясно – во всём виновата настырная Тамара!

С тех пор прошло немало лет, и вот теперь пытаюсь разобраться, в чём был тогда не прав...

– Ладно, Вовчик! Кончай придуриваться.

Эти простые и задушевные слова прозвучали под сводами комнаты как голос свыше, которого я так долго ждал, хотя куда уместнее было бы сказать мне: «С добрым утром!». И

всё же он прав. Пора! Пора положить конец прежним увлечениям, то есть заняться по-настоящему полезным делом. Не всё же угождать своим инстинктам? Впрочем, тут уж как получится...

Тем временем, Ося продолжал:

– Вот посмотри ты на меня, – к счастью, он на этот раз вполне одет. – Я дважды был женат. Но третьей избранницы уже не будет, Толстой и Булгаков не станут для меня примером. А всё потому, что я достиг всего, чего хотел, и в этом есть немалая заслуга моей Лёлечки.

Я не удержался от того, чтобы «подколоть»:

– Так это она основала банк, которым ты руководишь, или тесть сподобился?

Ося зыркнул глазами так, будто собирался придушить или хотя бы запустить в меня тем, что оказалось под рукой.

– Вот так всегда! Хочется по душам поговорить, без всяких там недомолвок и намёков, и тут какой-нибудь невоспитанный гражданин придёт и всё окончательно испортит.

Я понял, что слегка переборщил:

– Извини! Спросонья чего только не взбредёт в голову.

– Ладно уж, проехали! Так вот я и говорю, надо подыскать тебе такую жену, у которой ты будешь, как у Христа за пазухой. Она и обед будет готовить, и в постели ублажать, и, что немаловажно, будет направлять твою мысль так, чтобы обеспечить процветание семье.

– То есть приберёт меня к рукам?

– Опять ты извращаешь мою мысль.

Ося взглянул на меня так, как смотрят на безнадежно больного, но потом, видимо, усмотрев кое-какие признаки «положительной динамики» в состоянии пациента, продолжил свою мысль:

– Пойми, Вовчик, будь у тебя хоть семь пядей во лбу, в одиночку ты не вырвешься из нищеты...

Пришлось сразу возразить:

– Да я не жалуясь! Есть кое-какая заначка, могу даже пригласить тебя в шикарный ресторан.

Осе эта мысль понравилась:

– И то верно, не сидеть же нам всё время в «однушке», построенной в эпоху развитого социализма. Пора тебе выйти в люди, Вовчик, взглянуть на мир широко раскрытыми глазами, а там и невесту подберём...

Я даже подпрыгнул на кровати:

– Вот только этого не надо! Женить меня пытались много раз, но роль плюшевого мишки в подарочной упаковке меня совершенно не устраивает. Не выношу, когда на мой счёт кто-то вынашивает грандиозные планы. Я как-нибудь сам разберусь, какие книги мне писать, кого любить и с кем дружить.

С этими словами я встал с постели, накинул халат и пошёл чистить зубы. Когда вернулся, его и след простыл – понял, небось, что невозможно меня переубедить. Всё дело в том, что я сам способен обратить кого угодно в свою веру, хотя и

то следует признать, что мне это редко удавалось до сих пор.

Глава 3. Театр марионеток

С Алексом заочно познакомились ещё в те годы, когда его бабушка и моя мама выгуливали нас на аллеях у Патриаршего пруда. Оба возлежали в колясках, так что, увы, не имели возможности пожать друг другу руки. Позже учились в одной школе, потом оказались в одном классе, а трудовую практику проходили в Доме звукозаписи на улице Качалова. Там и приобщились к джазу – у сотрудников ГДРЗ была неплохая фонотека. Пери Комо, Пэт Бун, Фрэнк Синатра, не говоря уже о Луи Армстронге и Элле Фитцджеральд – эта музыка сближает людей самых разных взглядов и мировоззрений.

Вскоре мы поступили на Физтех. Но тут судьба нас развела – меня зачислили на радиофизический факультет, а вот Алекс, вопреки его желанию, попал на физико-химический. Причины этой огорчительной разлуки так и остались неизвестны – то ли декан РФФ был антисемитом, то ли он следовал указаниям свыше, гласившим: евреев не пущать на факультет, который в те времена считался наиболее престижным! Как бы то ни было, в Долгопрудный, где до сих пор располагается Физтех, мы добирались вместе, да и свободное от учёбы время проводили как правило в одной компании, но не с однокурсниками или одноклассниками, а в обществе весьма привлекательных девиц, с которыми познакомились

в Крыму.

В те времена в посёлке Новый Свет, что близ Судака, отдыхающих было очень мало. Это и понятно – ни столовой, ни танцплощадки, ни иных удобств. Однако нас это вполне устраивало. Я бы не возражал, если бы так осталось навсегда. Нет ничего удивительного в том, что утром на пляж выходили всего две компании. Это были мы и три симпатичные девицы, с которыми, познакомившись однажды, мы больше уже не расставались, по крайней мере, в Новом Свете. Впрочем, встречались и потом в Москве. Я в ту пору помимо физики был увлечён кино, поэтому сразу же подыскал девчонкам прототипы. Одна, студентка театрального училища, чем-то напоминала Джульетту Мазину, правда была намного привлекательней. Другая своею статью и формами походила на Софи Лорен, даже походка у неё была почти софилореновская. Ну а третья была вылитая Марина Влади, причем, о ней уже чуть раньше рассказал.

С Алексом мы вскоре разошлись, но не следует принимать это утверждение буквально – всего лишь работали на разных предприятиях, да и территориально отделились, поскольку он купил себе квартиру в Тёплом Стане. Но через несколько лет я вступил в ЖСК, который собирался строить дом в Новых Черёмушках, среди яблоневых садов, у нынешнего Воронцовского парка. Когда Алекс узнал об этом, к тому времени успев жениться, он предпринял титанические усилия, чтобы вступить в этот ЖСК – место уж очень при-

влекательное, поближе к центру Москвы, да и я, что называется, под боком. Впрочем, в Тёплом Стане я его частенько навещал в те годы, когда оба считались закоренелыми холостяками.

И вот на собрании членов-пайщиков разыгрывают, кто на каком этаже займёт квартиру. И выясняется, что мы вытянули один и тот же этаж, хотя и в разных подъездах. Судьба? Алекс тут же предложил мне сменяться со своими соседями, что называется, махнуть не глядя – это можно было сделать без труда, поскольку моя «однушка» была лакомым кусочком, с окнами на парк. Но я решил, что это уже слишком – не хватало ещё, чтобы Алекс подглядывал за тем, как я вожу к себе девиц, а ведь среди них могли оказаться общие знакомые. Интуиция меня не подвела – эту квартиру вскоре обчистили, к счастью, до заселения жильцов, но кое-какие вещи всё-таки пропали.

К чему бы все эти подробности? Да всё к тому, что общие интересы, физтеховское образование и приятные воспоминания об отдыхе в Крыму могут стать залогом прочной дружбы, даже несмотря на то, что кое в чём мы с Алексом не совпадаем, но об этом расскажу чуть позже.

Явным антиподом Алексу был Майк, так его когда-то называли. Во время учёбы в МГИМО брэнчал на электрогитаре, несколько лет провёл на Ближнем Востоке, работая военным переводчиком. Парень вовсе не глупый и весьма начитанный – у отца была богатая библиотека, созданная за вре-

мя длительных командировок за рубеж. Несколько книг, из разряда запрещённых в то время, и мне удалось прочитать – труды Зигмунда Фрейда и сборник стихов Николая Гумилёва. Ну а Майк в это время был предоставлен сам себе, имея в своём распоряжении отцовскую квартиру. Неудивительно, что на первом месте для него были развлечения, а вот мысли о том, что будет после окончания МГИМО, мало занимали. Короче, общительный, компанейский, но как бы без внутреннего стержня – видимо, в юности привык полагаться на папу, а когда пришлось принимать решения самому, оказалось, что сие совсем непросто, если багаж знаний недостаточно велик.

Познакомились мы в Крыму, несколько лет «тусовались» в одной компании, но уже в другой, не в первой новосветской. Как-то вместе поехали на Рижское взморье, где отдыхали знакомые ребята. Там Майк и запил – к тому времени он женился, но что-то у него не заладилось с женой. Вместо того, чтобы уйти и забыть, он начал пить, причём налегал на пиво. До запоя дело так и не дошло, но смотреть на это было противно. Попытался его вразумить, но всё без толку. Тогда-то я понял, что мне здесь делать нечего – взял билет на самолёт и улетел в Крым. Позже переписывались в интернете, но однажды получил такой текст, что стало ясно – Майк с прежним усердием «вдарил по пивку». Тогда-то разошлись мы окончательно. Ну а чем бы я ему помог?

Надо заметить, физтеховская группа № 22, в которой я

оказался, видимо, по воле случая, считалась тогда привилегированной, элитной. Из этой группы вышли многие известные физики-теоретики, а прикреплена она была к Институту физических проблем, где директором был Пётр Леонидович Капица, а теоретическим отделом руководил Лев Давидович Ландау. Привилегия наша состояла в том, что мы уже со второго курса, а не с третьего, один день проводили в Физпроблемах – слушали лекции, пытались освоить роль подмастерьев в лабораториях, где позже делали дипломные работы. Теоретиками стали только двое, Тим и Серж, ну а я стал как бы ни тем, ни другим – «теорминимум Ландау» не сдавал, поэтому не вполне теоретик, а вот эксперимент мне после защиты дипломного проекта до того наскучил, что я решил поступить в аспирантуру, намереваясь по прошествии трёх лет защитить диссертацию по теоретической и математической физике. Руководство института моё намерение поддержало – надеялись совместить под кепкой шестьдесят первого размера «коня и трепетную лань», читай, теоретика и экспериментатора. Но дело осложнилось тем, что некто Мусик, так называли Моисея Исааковича, доктора физмат наук из Харькова, всё никак не мог переехать в Москву – в Харькове у него была пятикомнатная квартира, а здесь предлагали «усечённую» до четырёх комнат. Пока Мусик торговался, поезд мог уйти, и мне назначили научным руководителем другого теоретика. Впрочем, теоретиком он предпочитал себя не называть:

– Я счётчик! А не кто-нибудь, – как бы в подтверждение своих слов он сунул мне в руки толстенную пачку черновиков в формате А3, добавив приказным тоном: – Изучайте!

Когда же я ему приносил свои расчёты, он, бегло просмотрев пару страниц, восклицал:

– Ёксель-моксель, ничего не понимаю!

Так мы и работали. Однако диссертацию я всё же защитил.

У Тима было по-другому – сдал теорминимум, защитил диссертацию и пошёл вперёд семимильными шагами. Стал доктором физмат наук, а вскоре после этого он занял пост заместителя директора одного из институтов академии наук. Что называется, большому кораблю большое плавание! Это его стезя, к этому стремился – всё потому, что он фанат науки. Не то, что я – в физики пошёл, поскольку это была, пожалуй, единственная возможность творить, не обращая внимания на решения последнего съезда партии. От нас нужен был только результат, идеологического обоснования никто не требовал.

Сержу гораздо меньше повезло – он оказался как бы между жерновами, став жертвой борьбы двух соперничающих группировок теоретиков. А ведь был самым талантливым из нас! На мой взгляд, причина подобных драматических, а иногда и трагических коллизий в том, что все мы марионетки, в той или иной степени. Кто-то дёргает за ниточки, а мы стараемся этого не замечать, иногда даже делаем вид, что

получаем удовольствие. И только дружеские и близкие приятельские отношения позволяют сохранить себя, не уронив достоинства и не став разменной монетой в чьей-то нечистойлотной, безнравственной игре. Впрочем, выбираться из конфликтной ситуации приходится как правило в одиночку, за исключением тех случаев, когда влиятельный родственник поможет.

Возможно, поэтому Док, ещё один из нашей физтеховской группы, едва закончив институт, женился на дочери генерала и даже вскоре подарил ему наследника. Однако то ли генерал ушёл в отставку, то ли с женой характерами не сошлись, но семья распалась. И вот после долгого перерыва встретившись с однокурсниками на даче у Дока, обнаруживаю, что у него всё в порядке – привлекательная и весьма рассудительная жена, дочь и три внучки-очаровашки, мал мала меньше. С тех пор я регулярно участвовал в этих ежегодных посиделках – всё потому, что сердце радовалось, когда смотрел на эту счастливую семью.

И вот однажды узнаю, что счастья больше нет – потому что нет семьи. В качестве причины развода Док называл измену своей супруги, но никто из нас в это не поверил – не тот возраст, чтобы искать себе любовника на стороне. Скорее всего, всему виной стали идеологические разногласия – Док по своему мировоззрению был ультралибералом, а жена, как всякий нормальный человек, не желала слушать изрекаемую им галиматью, и вот спорили до хрипоты. А потом кто-

то из них произнёс такие слова, после которых уже невозможно было жить вместе. Наверняка решение уйти принял Док – это в его характере, там мысль подвержена влиянию эмоций. Однако разрушить счастливую семью в угоду своим принципам – это уже явный перебор! Вот, скажем, Алекс всегда голосовал за партию Явлинского, но с женой никогда не устраивал политических разборок, да и нам эта его «привязанность», вера в непререкаемый авторитет своего кумира не помешала поддерживать дружеские отношения.

Но что поделаешь, если кто-то дёргает за невидимые ниточки? Вот и Тим в 90-е ушёл из российской науки – предложили работу за границей, желая заполучить талантливого физика. Хотя возможно, что за ниточки он дёргал сам себя, точнее, это было его неуголённое честолюбие...

– Вовчик, ты категорически не прав! – это Ося опять прорезался, словно бы выпорхнув с дисплея моего ноутбука. – Тим нашёл своё счастье в мире, где все свободны, где каждый может реализовать себя, да и зарплата там гораздо выше. А ты... Вот смотрю и мысленно лью слёзы, глядя на тебя. Работал за гроши, теперь вот живёшь на скудную пенсию, а книги твои распространяются бесплатно. Да где это видано, чтобы за свой труд писатель не получал достойного вознаграждения? А ведь у тебя талант, я это авторитетно заявляю!

Эти дифирамбы меня несколько смутили, что называется, выбили из колеи, хотя директор издательства когда-то говорил примерно то же самое. Однако с тех пор немало утек-

ло воды, многое в нашей жизни изменилось. Что уж тут скажешь, если каких-то блогеров носят на руках, а вот о новых Достоевских и Булгаковых ничего не слышно.

– Ну ладно, Ося, ты зачем явился? Не для того же, чтоб расхваливать меня?

Ося сидел на диване, положив ногу на ногу, и рассуждал:

– Вот ты вроде бы писатель, а это значит, что в психологии обязан разбираться. Понятно, что Сержу ты ничем не мог помочь, но почему не вразумил Майка, почему Доку позволил совершить непоправимую ошибку?

– А как бы ты поступил на моём месте? Помирил бы Майка с женой? Да эта дура мне на шею вешалась! Не знаю, чем ей приглянулся, но Майка я предать не мог. Избавить его от вредной привычки тоже не сумел – сам был когда-то грешен. К тому же Майк ссылался на то, что это у него по наследству, от отца. А кто в те времена не пил?

Похоже, Осю я в своей правоте убедил, поэтому с Майка он переключился на Дока:

– Я вот чего не пойму! Ты говоришь, что испытывал наслаждение, видя счастливую семью, однако и пальцем не пошевелил, чтобы помешать разводу. Как мог ты так постыдно поступить? – для пущего эффекта Ося воздел руки к небу и возопил: – Господи! Хоть ты ему скажи, что за такой проступок гореть ему в аду!

Это уже слишком! Но не успел я ответить Осе, как в ноутбуке что-то заухало и заверещало.

– Смотри-ка! Сообщение по интернету пришло. Это от адвоката! – оживился Ося, но прочитав послание весь как-то сник. – Что за чепуха? Оказывается, Лёля подала на развод, надеется отсудить у меня половину состояния. Ну уж это дудки! Шиш с маслом ты получишь, да ещё заставлю заплатить компенсацию за моральный и физический ущерб.

Я еле сдерживал смех – не потому, что хотел позлорадствовать, но очень уж к месту оказалось это сообщение. Тем временем Ося продолжал:

– Нет, ты подумай! Десять лет её холил и лелеял, ни в чём ей не отказывал, и вот теперь такая чёрная неблагодарность. Господи, за что? – и после паузы: – Я понял! Наверняка подруги надоумили. Вот стервы, уж я им покажу!

– Надеюсь, в её решении нет политических мотивов.

– Да куда там! – тут Ося призадумался. – А впрочем... Если так, тогда её голой по миру пушу, в асфальт закатаю, кузькину мать ей покажу!

Ну что ж, пусть дёргает за ниточки и почти наверняка своего добьётся. А вот интересно, кто мною управляет? Неужто это он, моё «второе я»?

Тут я захлопнул крышку ноутбука, и Ося куда-то испарился, так и не успев подсказать мне, как я смог бы Дока вразумить. Да и что толку махать руками после драки? Впрочем, позже выяснилось, что кто-то над Осей подшутил, а Лёля и не помышляла о разводе.

Глава 4. My way

Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Этому неза-тейливому принципу следует большинство из нас. Алекс сменил несколько мест работы прежде, чем нашёл что-то подходящее, Тим уехал за границу, но однажды и передо мной встала трудноразрешимая проблема – уйти или остаться? В то время я работал завлабом в НИИ. Когда предложили эту должность, была поставлена задача заниматься исследованиями в области прикладной физике, чтобы полученные результаты затем использовать в разработке приборов, чем занимался наш НИИ. Но вдруг узнаю, что назначали нового директора, и он нам тут же заявляет: «Никаких исследований! Надо загружать завод, а потому будем проводить только опытно-конструкторские работы». Видимо, так его проинструктировали в министерстве, а у меня сразу же возникла мысль: надо уходить! Но куда? В фундаментальную науку уже поздно возвращаться, а на квартиру денег ещё не накопил. Стиснул зубы и остался.

Через четыре года в институте всё посыпалось – разработки приборов не были подкреплены научными исследованиями, поэтому многое приходилось переделывать, «переобуываясь на ходу», а сроки выполнения работ срывались. Директор стал искать «козлов отпущения» – одним из них выбрал меня. Для снятия с должности завлаба требовалось, чтобы я провалил переаттестацию, однако моя учёная степень и научные статьи не позволили директору реализовать эту затею.

И тем не менее я решил уйти – не хотел больше с ним работать. Увы, ничего подходящего так и не нашёл, но тут неожиданная новость – директора спасли от позора назначив на пост руководителя отраслевого института повышения квалификации. А с новым директором удалось договориться – я ухожу с должности завлаба и становлюсь ведущим научным сотрудником, немного потеряв в зарплате, но зато теперь буду заниматься только научными исследованиями, создавая задел для проведения опытно-конструкторских работ, что меня вполне устроило. Так и трудился до тех пор, пока из полутора тысяч работников института осталось меньше ста.

Итак, я не ушёл из института, в 90-е переквалифицировался в программиста, пережил ещё нескольких директоров, а уже после того, как стал получать пенсию, возник вопрос: а не пора ли подвести черту под моей трудовой деятельностью на благо родимого НИИ? Дело в том, что я хотел заняться литературой – пробовал ещё в начале «перестройки», что-то получалось, но «не потянул». И вот через двадцать лет решил всерьёз заняться этим делом. Первую книжку напечатал за свой счёт – только для того, чтобы подержать её в руках. Затем написал роман «Лулу», пожалуй, самый лучший из моих романов, однако для человека без «раскрученного» имени привлечь к своей персоне внимание издателя – это дело безнадёжное. Помогло то, что решил одну загадку, связанную с биографией Михаила Булгакова, написал статью – как ни странно, её опубликовали в «Литературной газете»

к юбилею Булгакова. Затем, взяв за основу эту статью, написал книгу о Булгакове и с «рекомендацией», под которой подразумевается статья в «Литературке», обратился в издательство. Главному редактору понравилось, как я пишу, и пошло-поехало – за три года было издано шесть книг, в том числе и «Лулу».

Но вот проблема – я так и остался мало кому известным автором, а на тиражах в две-три тысячи экземпляров толком ничего не заработаешь. Впрочем, деньги меня мало интересовали. Вот если бы зарабатывать хотя бы по миллиону в год, тогда другое дело, и всё равно – здесь исключительно спортивный интерес. Для писателя главное, чтобы читали его книги, чтобы его мысли и создаваемые им образы, были интересны широкому кругу читателей. А деньги можно заработать другим способом – ведь первые шесть книг я написал в то время, как работал программистом в НИИ. Но тут есть одна хитрость – мне давали задание на неделю, а я его выполнял за пару дней, так что времени для литературного творчества было предостаточно.

Понятно, что «безвестность» меня не устраивала, однако у издательства нет денег на «раскрутку» даже талантливого автора – тут снова сошлюсь на мнение директора издательства. Я решил идти другим путём – самому привлечь внимание к собственной персоне. Пробежаться голышом по Тверской так и не решился, а вот написать книгу о писателе, который ударился в политику – это самое оно, поскольку тут есть

место и серьёзному анализу, и ироническим замечаниям по поводу его литературных «открытий» и политических кульбитов. И вот по согласованию всё с тем же директором написал книгу «ДБ. Дмитрий Быков и его двойники» – не то, чтобы рассчитывал на скандал после её опубликования, но что-то вроде этого. Что тут началось! Главный редактор, прочитав книгу, воскликнула: «Как же я выйду на Болотную?!», а потом и владелец издательства отреагировал.

Вот только один фрагмент из этой книги – здесь в кавычках «ёлочкой» высказывания Быкова:

«Я думаю, что лодку нужно раскачивать ровно до того момента, когда народ точно также возьмёт власть в свои руки и продемонстрирует всем, какой блистательной, а не серой может быть наша страна. ... Раскачивать лодку нужно ровно до тех пор, пока мы вернём страну себе. Мы – себе, а не каким-то, простите меня, бездарным и трусливым типам».

Но вот читаю дальше:

«Все эти разговоры о раскачивании страны очень смешны и странны. Просто люди перестали видеть абсолютно очевидные вещи. Кто раскачивает страну? Те, кто выходят на улицы и бульвары погулять с цветными ленточками?».

И вот ещё, теперь уже и про лодочку, и про переворот:

«Я постоянно получаю всяческие вопросы насчёт того, что же мы будем делать, если раскачаем лодку, случится переворот, куда мы побежим. Значит, ещё раз говорю, раскачиваем лодку не мы и переворота хотим не мы».

Все эти три фрагмента взяты из одного разговора в эфире передачи «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы». Всё это сказано одним Дмитрием Львовичем Быковым, но впечатление такое, что их там было трое – один Быков раскачивал страну, другой попытался какую-то лодку раскачать, а третий сопротивлялся всему этому. Если учесть, что разговор состоялся в День Победы, 9 мая 2012 года, когда народ уже изрядно праздновал, то мысль напрашивается лишь одна. Но вот какая – об этом догадайтесь сами, поскольку я от этих шуточек уже устал.

Попробую слова Быкова анализировать всерьёз – посмотрим, что из этого получится. Итак, раскачивать лодку должна вроде бы оппозиция – это вполне логично, поскольку идёт борьба за власть. Если же верить третьему из Быковых, то власть сама раскачивает лодку, взяв на себя роль этой самой оппозиции. И возникает вопрос: то ли оппозиция столь немощна, то ли речь идёт о разных лодках...

Как я уже отметил, главный редактор была потрясена прочитанным, но вскоре успокоилась – решила убрать свою фамилию из выходных данных книги. А вот владелец издательства упёрся рогом: «Не видать этому автору народной любви, а на прилавках магазинов не будет его книг – и этой, и всех других, которые ещё напишет».

«ДБ» я всё-таки опубликовал на американском «Амазоне» – в то время там ещё не было той либеральной цензуры, которая процветает кое-где у нас. Ну а владелец издательства

оказался отчасти прав – книга не пользовалась популярностью даже на Литрес. Понятно, что оппозиционерам читать такие книги – только портить нервную систему. То же самое можно сказать и о людях, по своему происхождению близких к Быкову. Ну а противной стороне, условным «патриотам», Быков совсем не интересен.

В общем, с этим издательством я отношения прекратил, за пять лет опубликовал на «Амазоне» двадцать пять книг, а потом русофоб Джеф Безос «перекрыл кислород» всем русскоязычным авторам. Ещё через год там закрыли под надуманным предлогом мой аккаунт, однако вот что удивительно: в списке тамошних книг каким-то чудом сохранилась книга о Быкове, но по цене более девятисот долларов за экземпляр! То ли это подарочное издание с золотым тиснением на обложке, то ли таким образом пытались морально поддержать Быкова, то ли что ещё.

Итак, от бабушки и от дедушки я ушёл, теперь Литрес распространяет мои книги бесплатно. Иначе изобретательные чиновники запишут меня в разряд «работающих пенсионеров» и прощай индексация пенсии и прочие привилегии для малоимущих! Ну а задача писателя идти своим путём несмотря на все препоны и следовать принципу, который озвучил ещё в конце XVIII века журналист, издатель, критик и масон Николай Новиков: своей задачей он считал просвещение ума и сердца, за что и пострадал от власть имущих.

Для меня в этом деле всё предельно ясно, но вот Ося... Он

не скрывал, что придерживается иного мнения и собирался меня вразумить. А место для вразумления выбрал весьма странное, уж не знаю, из каких соображений – пригласил в шикарный ресторан на Пушечной...

И вот уже официант в белом кителе с фирменным вензелем на груди подкатил сервировочный столик с огромной фарфоровой супницей, в которой что-то подозрительно урчало и похрюкивало. Запах от блюда шел такой, что я с удивлением обнаружил в себе прилив подвижнических сил, что же до Оси, то он, похоже, только этого и ждал.

– Сюда их, – скомандовал Ося, устраиваясь за столом, затем нежно глянул на меня, облизнулся и промолвил: – Вовчик, умоляю тебя, оставь паюсную икру в покое. И если хочешь послушаться доброго совета, налей себе не палёной русской водки, а обыкновенного шотландского виски двенадцатилетней выдержки.

Я налил себе виски, а Ося словно бы только этого и ждал:

– Вовчик, а теперь попробуй вот эту штучку, и, если ты скажешь, что я не прав, тебе не расплатиться со мной за всю оставшуюся жизнь.

С этими словами Ося снял крышку с супницы и подцепил на вилку что-то похожее на маленький розовый гриб. Я последовал его примеру. Глаза Оси блаженно засветились.

– Ну как? – оглушительно чавкая, поинтересовался Ося. – По-твоему, это плохо? Ответь мне, Вовчик.

– Это бесподобно, – ответил я и залпом выпил бокал вис-

ки, надеясь таким образом избавиться от неприятных ощущений.

– Еще бы... Заметь себе, Вовчик, испанскими анчоусами и браконьерской паюсной икрой закусывают только обнаглевшие от вседозволенности паханы да совковые псевдоинтеллигенты-государственники. Мало-мальски уважающий себя либерал оперирует закусками свинными. А из свиных закусок самая первая – это отварное поросячье рыло. Когда-то его великолепно приготавливали в ресторане при гостинице «Славянский базар» на Никольской.

Удивительное дело, но у меня создавалось полнейшее впечатление дежавю, как будто я играю в плохо поставленной старинной пьеске для двух актёров, причём хоть я и выучил свою роль буквально на зубок, но временами отчего-то несу типичную отсебятину.

Меж тем из супницы поднимался ароматный пар, а увлечённый чревоугодием Ося, подцепив на вилку очередной розовый «пятак», торопливо отправлял его в рот и, проглотив, изрекал новую порцию наставлений и советов:

– Правильное питание, Вовчик, штука очень хитрая. Есть нужно уметь, а представь себе – большинство людей в нашей стране есть и вовсе не умеют. Нужно не только знать, что есть, но и когда, и с чем. К примеру, в каком сочетании лучше усваивается лососина, и каким «Божоле» следует запивать седло андалузского козла, – Ося многозначительно потряс трезубцем-вилкой с нанизанным на него поросячьим

рылом, при этом забрызгав всё вокруг. – Ещё важнее, что ты при этом говоришь. То есть, если ты озаботился своим здоровьем, мой тебе совет, не говори за едой о России и о патриотах. И, Боже тебя сохрани, не заходи до обеда в интернет.

– Да ведь других занятий для досуга нету, – пробормотал я, выпивая очередной бокал выдержанного виски.

– Вот ничем и не занимайся натошак. Просто считай, что ты ещё не человек до тех пор, пока в должной мере не насытился.

Закончив с поросятиной, Ося позвонил, и снова появился официант. Осе достался кусок осетрины с хреном, которая ему отчего-то не понравилась, а мне – ломоть ростбифа. Сложив его, я почувствовал, что засыпаю, и некоторое время как бы пребывал в прострации. Очнулся, когда Ося горестно воскликнул:

– Пропала наша бедная Россия. И вот тебе, к примеру, факт: бельевая верёвка во дворе нашего дома.

– Это интересно... – я произнёс эти слова, ещё не вполне оклимавшись после выпитого виски, и вот о чём подумал: «Ерунда верёвка, не в верёвке счастье, но Ося-то... Ося – личность ну просто выдающаяся!»

– Не угодно ли, бельевая верёвка. С пятьдесят третьего года живу я в доме на Поварской, бывшей улице Воровского. И вот, в течение этого времени до августа девяносто первого не было ни одного случая, подчеркиваю, ни одного, чтобы из нашего двора при незапертых воротах пропала хоть одна па-

ра трикотажных кальсон. В августе девяносто первого в один прекрасный день пропали все кальсоны, в том числе две пары моих, три пары пожилого уролога из соседнего подъезда, не говоря уже о единственных хлопчатобумажных исподних нашего достославного дворника Димитрия. И с тех пор бельевая верёвка прекратила свое существование. Голубчик! Я не говорю уже о победе демократии, о торжестве либерализма... Но надо же меру знать! Ну почему нельзя было оставить наши исподние в покое?

– Ося, дались тебе эти кальсоны! Насколько я знаю, никто из либералов теперь кальсонами не пользуется. Даже твой друг Пархоменко круглый год носит семейные трусы, – заикнулся было я.

– Ничего подобного! – громоподобным голосом ответил Ося и налил себе стакан перцовой водки. – Ничего подобного! На ком-то непременно есть теперь кальсоны и эти кальсоны мои! – произнося эти слова, Ося с подозрением скосил глаза несколько ниже моего живота. – Это как раз те самые кальсоны, которые пропали в августе девяносто первого. Но хотя бы они их правильно носили, а то ведь всё норовят задом наперёд надеть! – лицо Оси начало багроветь. – Какого черта подорожало французское вино? Почему бензин, которого у нас должно быть навалом, в теперешнее время аккуратно дорожает на рубль раз в месяц? Ну ответь мне, Вовчик.

– Что поделаешь, Ося, законы рынка...

– Нет, – совершенно уверенно возразил он, – нет! Ты пер-

вый обязан воздержаться от употребления этого понятия. Законы рынка – это мираж, дым, фикция, – Ося, видимо, для вдохновения принял ещё сто граммов коньяка. – Ты когда-нибудь видел торговку на базаре, сверяющую показания весов со статьёй 504 Гражданского Кодекса РФ? Да их и вообще не существует, этих твоих рыночных законов. Когда эти недоучившиеся тенора и баритоны кричат «даёшь цивилизованный рынок!», я смеюсь. Клянусь, Вовчик, мне смешно! Ведь это всего лишь означает, что каждый из них хочет безвозмездно получить под управление оптовый рынок или, на крайний случай, торговый павильон, причём желательно поближе к центру города. А вот, когда этот самый баритон вместо того, чтобы глупости орать, займется тем, за что я ему готов платить вполне приличные деньги, рост цен прекратится сам собой. Двум хозяевам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время и сапоги точать, и устраивать судьбы несостоявшихся вождей, по недоразумению записанных в либералы! Это никому не удаётся, Вовчик, и более всего, тем самым... чудакам, которые до сих пор еще не совсем уверенно носят украденные у меня кальсоны!

Похоже, Ося вошел в азарт. Только теперь я с опозданием уразумел, к чему была нужна вся эта подлая канитель с приглашением в «Савой» и театрализованная клоунада по мотивам старой драмы. Ося, в очередной раз как бы стоя всё на том же броневике в позе вершителя народных судеб, наставлял меня на путь истинный. Не ясно только было, какая

конкретно роль в этом деле предназначалась лично мне. Ну в самом деле, не понадобилось же Осе городить весь этот огород ради того, чтобы с моей помощью получить компенсацию за утраченные в незапамятные времена исподние...

– Антилиберальные вещи глаголешь, – шутливо заметил я, не подавая вида, что пытаюсь раскусить коварные замыслы своего давнего приятеля, – не дай Бог, кто-нибудь тебя услышит...

– Ничего опасного, – с жаром, но понемногу остывая, возразил мне Ося. – Нет тут никакой крамолы. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу – антилиберал. Абсолютно неизвестно, кто за ним скрывается. Черт его знает! Так я и говорю: никакой этой самой крамолы в моих словах нет. В них только здоровая наследственность, элитарное образование и могучий интеллектуальный потенциал.

Тут Ося сдёрнул с шеи вконец замызганную за время трапезы салфетку и, скомкав, бросил ее рядом с опустевшим фужером из-под коньяка. Я, кряхтя, поднялся и поблагодарил:

– Мерси.

– Минуту, Вовчик! – промолвил Ося, засовывая руку в карман. Затем прищурился и протянул мне красочно оформленный лист мелованной бумаги с витиеватой надписью «Контракт»: – Пора тебе, Вовчик, заняться делом, а то трастишь время на ерунду, на никому ненужную писанину. Будешь теперь работать на меня. Зарплата, какая тебе и не сни-

лась, плюс бонусы за усердие в конце каждого квартала. Так что резину не тяни, давай, подписывай.

– Но что же от меня потребуется?

– Станешь кем-то вроде придворного летописца, статьи обо мне будешь писать, а там глядишь дело дойдёт и до книги. Ну а цель простая – содействовать упрочению моего имиджа, ну и поднятию рейтинга телеканала. Никто с этим не справится лучше тебя, я больше, чем уверен!

У меня такое впечатление, что опять запахло пороссячим рылом, потому и попытался уточнить:

– Не пойму, зачем тебе всё это. Ты богат, у тебя свой телеканал, регулярно интервью печатают в газетах.

– Этого явно недостаточно, – тут Ося слегка замялся. – Видишь ли, я намерен баллотироваться в Госдуму, а там кто знает... Ну так по рукам?

Тут только до меня дошло... Неужто хочет под себя подмять Россию?

– Нет, Ося, такая работа не для меня. Извини, я не смогу!

Но Ося был неумолим, по обыкновению в подобных случаях он переходил на «вы»:

– Голубчик, а ведь это уже и вовсе демагогия. Давеча вы откушали прекрасный обед из пяти блюд и вот теперь отлыниваете от работы. Это же вопиющая невоспитанность с вашей стороны. Я начинаю думать, что за душой у вас, стало быть, внутри, нет ничего кроме пороссячьих потрохов и ломтя ростбифа. Короче, нечего вы... – дальше последовала

нецензурная брань.

Домой я добирался на метро. И вот сижу в вагоне, размышляю: «Да какая мне разница, кто там наверху? Ведь всё равно мало что изменится. Как думали власть имущие всё больше о себе, так оно и будет. Это закон природы и вряд ли удастся его изменить». А контракт не подписал, потому что никому не продаюсь, уж так воспитан.

Глава 5. Формула жизни

Для начала расскажу весьма поучительную историю, которую мне поведал приятель – Пётр Иванович, так будем его называть. Несколько лет назад врач-геронтолог, добрая душа, узнав, что за шестьдесят пять лет Пётр Иванович ни разу не сдавал кровь на биохимический анализ и – о, ужас! – не удосужился хотя бы раз в жизни сделать УЗИ брюшной полости, настоятельно порекомендовал восполнить столь значительный пробел в поддержании здоровья. Пётр Иванович позволил себя уговорить – в конце концов, это же не чистка зубов ценой в пятьдесят тысяч, которую ему порекомендовали в одной из частных поликлиник недалеко от Маяковки.

Ну вот сдал Пётр Иванович анализ крови, сделали ему УЗИ. Эх, кабы знать заранее, чем это обернётся... Вдруг раздаётся звонок из поликлиники, и некто тоном, не допускающим возражений, требует от Петра Ивановича немедленно отправиться к специалисту, иначе будет уже поздно. Обалдевший Пётр Иванович явился на приём к врачу, тот сооб-

шил, что состояние одного из внутренних органов не соответствует рекомендациям Минздрава: что-то там слегка завышено, вышло за пределы согласованной и утверждённой нормы. Затем врач без всякого осмотра выписал рецепт на какой-то препарат, а вдобавок вручил несколько листочков с рекламой витаминов и лечебных свечек, производимых некой частной фирмой. К счастью, Пётр Иванович догадался посоветоваться с геронтологом – тот чуть со стула не свалился, когда взглянул на тот рецепт: «Что он – совсем сдурел? Это же сильное обезболивающее!».

Болей и прежде у Петра Ивановича не было, но теперь появился страх – в надежде избавиться от него, обратился в частную клинику. Врач долго качал головой, разглядывая результаты анализов, затем сказал, что с операцией затягивать нельзя, а то, не приведи господь, придётся её делать уж совсем в преклонном возрасте, что весьма чревато... Ну а пока настоял на том, чтобы Пётр Иванович каждый год сдавал анализ крови и делал это самое УЗИ. Через пару лет, когда отклонения от нормы, утверждённой Минздравом, немного возросли, Пётр Иванович задумался о том, что дальше предпринять. Покопавшись в интернете, нашёл некие критерии, определявшие уровень опасности, которая ему грозила – оказалось, что с такими показателями вполне можно жить, они типичны для большинства людей его возраста. Но что за жизнь, если врач твердит о неизбежной в перспективе операции?

К тому времени, когда Пётр Иванович надумал посетить платную клинику при одном из московских университетов, он побывал у пяти врачей, специалистов в этой области – всё надеялся, сопоставив разные мнения, найти однозначное решение: то ли делать операцию, то ли продолжать жить, как ни в чём не бывало. Но всё без толку, зря деньги на врачей потратил. В университетской клинике подошли к этой проблеме основательно: уговорили Петра Ивановича сделать биопсию – он поначалу упирался, ссылаясь на те самые критерии, но получил авторитетнейший ответ: «В отличие от других, даже зарубежных коллег, мы эти критерии не признаём! Готовьтесь к биопсии и к госпитализации». Пришлось купить комплект памперсов и ещё кое-какие принадлежности, ну и, конечно же, халат, чтоб не ходить в больничном, а в добавок выложить двадцать пять тысяч за эту процедуру.

На биопсию Пётр Иванович пришёл ни жив ни мёртв – а вдруг врач прав, и у него злокачественная опухоль? С утра не емши, даже чаю не попил...

К счастью, обошлось – на следующий день позвонили, успокоили: результат биопсии отрицательный. Впечатление было такое, что по нему прошёлся паровой каток, но из-под него Пётр Иванович вылез целым, невредимым. Казалось, все мучения остались позади, но не тут-то было – когда врач, тот самый, что настоял на биопсии, узнал от Петра Ивановича о результатах, он сразу как-то спал с лица. Можно подумать, что его пациент только что скончался на операцион-

ном столе и ничего уже нельзя поделать. С жалобной улыбкой врач посмотрел на Петра Ивановича:

– А может, всё-таки сделаем вам операцию?

– Нет!

– Вы счастья своего не понимаете. У нас разработана новая методика! Всё сделаем на высшем уровне, и на десять... нет, на пятнадцать лет забудете о том, что была какая-то там аденома.

Петру Ивановичу показалось, что врач готов рухнуть перед ним на колени – только бы уговорить. Но перспектива стать подопытным кроликом Петра Ивановича не устроила. И вот, разочаровавшись в докторах, решил самостоятельно разобраться в этом деле. Судя по всему, эффективное решение нашёл, потому как через год опухоль перестала расти, а отклонение результатов анализов от нормы значительно сократилось. Но об этом счастливом открытии можно прочитать в книге «Не болей! Памятка для выживающих» – оттуда же заимствован и приведённый текст с небольшими изменениями.

А теперь обратимся к тому, что обозначено в названии главы – к формуле жизни. Не могу утверждать, что такая формула существует, но кое-какие рекомендации рискну предложить вашему вниманию.

Понятно, что надо бы вести здоровый образ жизни, но почему-то не всегда так получается – то ли затягивает нездоровая среда по причине слабости характера, то ли плохая на-

следственность мешает, а может быть и так, что горишь и стораешь на работе, не жалея себя. Бывает, что возникает риск потерять здоровье в результате неурядиц в личной жизни, но этой теме посвящена одна из предыдущих глав. Так что же делать? Если скитанья по докторам стали неизбежны, тогда не спешите верить всему, что они вам говорят, особенно если ссылаются на рекомендации Минздрава. Желательно провести сравнительный анализ советов нескольких врачей из частных клиник. Но если внутренний голос подсказывает, что врач думает прежде всего о том, как бы выкачать из вас побольше денег, тогда всё, что вам остаётся, это тут же встать и немедленно уйти. А дальше уж куда кривая вывезет...

Итак, вроде бы нашёл надёжное решение, хотя сомнения всё же остаются – а вдруг я ошибаюсь, и врачи желают нам добра, всё делают исключительно из лучших побуждений?.. Так и не успел найти ответ, потому что мысль была внезапно прервана сообщением, которое пришло по интернету: Ося извиняется за то, что случилось по завершении ужина в «Савое», и приглашает в гости. Может, он развеет мои подозрения относительно квалификации врачей и роли медицины в нашей жизни?..

Я прохожу через отделанную каррарским мрамором то ли аркаду, то ли подворотню. Миную двор с крохотным бассейном, где тихо плещутся золотые и оранжевые рыбки, и чуть поодаль в зарешёченном вольере что-то бормочет в полусне павлин. А вот и дом – бронзовые львята у подъезда, колон-

нада, массивная кованая медью дверь, и всё это увенчано огромным куполом. Словом, всё, как и положено, не хватает только флага. Да, здешний хозяин от скромности не должен помереть...

И вот уже поздний ужин плавно перетекает в задушевную беседу.

– Я, Вовчик, вам как Шаляпин Бунину скажу...

Эти вполне невинные слова заставили меня насторожиться, и даже недавний хмель из головы выветрился напрочь. Сравнение с Буниным любому литератору приятно, однако намёк на длительную эмиграцию положительных эмоций у меня не вызывал. Мне, в сущности, и дома хорошо, да и не сделал я ничего такого, чтобы рассчитывать на тёпленькое местечко где-нибудь в Париже или в Лондоне.

Тем временем Ося продолжил монолог:

– Я не пожарный, чтобы вас спасти по первому же требованию. Бросьте вы, дорогой мой, со всякой московской шантрапой водиться вроде всей этой совковой знати и прочих чинодралов-прихвостней! От них у вас одни лишь неприятности, не считая скудной пенсии. Кто мы и кто они?! У них же за душой, кроме Васисуалия блаженного и Кузьки Минина в холщёвой рубахе, подпоясанной пеньковой верёвкой, буквально ничего. Они же голь перекатная, босяки, холопы в двадцать пятом поколении, у них интеллекта ни на грош! – Ося перевёл дух и продолжал уже более спокойным тоном: – И совсем другое дело мы. У нас своя элитарная среда, выра-

ценная в согласии с новейшими методами передовой науки. Можно сказать, целая оранжерея властителей дум и аристократов духа. Кто как не мы такого признания достойны?

– Ну, Ося, ты на этот раз не прав, – я хоть и испытывал к Осе благодарность за то, что накормил роскошным ужином в «Савое», но согласиться с ним означало бы подвергнуть уничтожению всё то, что когда-то было для меня так дорого и неоспоримо, потому и говорю: – Аристократию духа, на мой взгляд, естественный отбор определяет, прежде всего. Многих уже забыли, а вот Карамзина мы помним. И Ключевского с Бердяевым, и Добролюбова. Тот же Сахаров упорно лез на трибуну съезда не только потому, что ему Боннер нашептала на ушко. Просто со временем почувствовал свою ответственность перед людьми. Если тебе многое дано, надо и отдавать людям тоже много.

– То есть аристократия определяется последствием, так сказать, по факту и делам, исключительно историческим путем? Я правильно, Вовчик, понимаю? Только по прошествии времени и в соответствии с тем, что подскажет память?

Ося никак не унимался, и не понятно было, зачем он вообще затеял этот разговор.

– Ну не присваивать же человеку звание аристократа ещё до того, как он успел что-то сотворить или вообще сподобился произнести хотя бы что-нибудь толковое. Для того, чтобы такое произошло, потребуется время. Кстати, Ван Гога, в моём понимании, аристократа постимпрессионизма, оцени-

ли даже не сразу после похорон. То же произошло и с Модильяни. Видимо, для всеобщего признания желательно, чтобы человек умер. Иначе зависть, интриги, конкуренты, где уж тут его достоинства-то оценить?

– Так, так. Ну а как же неоценённые заслуги? Их-то куда денете, если, к примеру, из ныне здравствующих кто-то незаслуженно забыт? – в словах Оси вроде бы наметилась обида.

– Незаслуженно, это как? Не заслужил? Или заслуг навалом, а его забыли? Или нет заслуг, а его вдруг вспомнили? Да с какой стати? – тут уже я начал заводиться, поскольку Осины вопросы начали меня доставать. – Может быть, всё проще, то есть у людей нет потребности помнить об этом человеке, воспоминание о нём ничего не даёт ни сердцу, ни уму.

– Вовчик! Ну что вы заладили про душу, да про ум, – Ося скорчил омерзительную рожу и после короткой паузы продолжил: – Про горе от ума, небось, слышали? А всё потому, что ум – это штучный товар и в основном предназначен для элиты. То есть каждому при рождении достаётся малая толика этого ума, а всё остальное не тронь, оставь достойным людям для употребления. И чем более достойные граждане распоряжаются всей этой уймой некоего, я бы сказал, мирового интеллекта, тем более выдающиеся результаты в итоге получаются, – Ося с явным удовлетворением огляделся по сторонам, словно бы предлагая мне оценить, как путём переработки того самого глобального ума появляется реально осязуемое богатство.

– Но, Ося, насколько я понимаю, главный вопрос состоит в том, кто будет решать, достоин ли, к примеру, я. Да и возможно ли в принципе такое?

– В этом-то и дело! – вдруг завопил обрадованный Ося, как будто именно этих слов с самого начала разговора он от меня и ожидал. – То есть, тут проблема именно в том, кто! Я ведь только об этом и толкую. Ну кто как не я поможет устранить всё, что искажает требуемый умственный настрой. Мои методы хорошо известны. За небрежность терминологии поднадзорных розгами порю, за нарушение логики сажая в долговую яму. Ну а за более серьёзные проступки... – тут Ося проворно подскочил и, злобно похихикивая, хлопнул меня ладонью по спине, – ну, ты, наверное, уже догадываешься, что тебя при этом ожидает? Так что будь добр, давай-ка не будем препираться, – подытожил он, снова переходя на ты.

Странная, надо сказать, манера – то «ты», то «вы», что характерно всего более для провинциальных дам и недоучившихся столичных аспирантов.

– Да я вроде бы ничего такого не имел в виду... – осторожно возразил я, недоумевая, о каких таких поднадзорных и о какой яме он мне только что твердил. Впрочем, если имеется в виду плата за тот ужин в «Савое», тогда я у Оси по уши в долгах, это само собой разумеется, а потому неопровержимо.

– Вот это-то и скверно! – Ося продолжал настаивать на

своём, и куда его на этот раз несло, мне понять по-прежнему не удавалось. – Скверно то, что у тебя чёрт-те что творится в голове, даже когда что-то пишешь. Я тебе больше скажу, сомнения вызывает не только голова, но и во всём твоём организме есть ещё много неизученного. – Ося снова, в который уже раз упёрся взглядом чуть пониже моего пупка, будто не было во мне ничего более заслуживающего его внимания. – Словом, Вовчик, прежде чем открыть перед тобой дорогу, которая безусловно приведёт к успеху, надо бы посмотреть, что там у тебя внутри. Можно ведь и такое предположить, чем чёрт не шутит – а может, ты у нас заразный?

Аргумент, что ни говорите, был убийственный, особенно, если учесть мою личную заинтересованность и в популярности среди читателей, и в сохранении здоровья. Что ж, я не возражал.

– Нуте-с, вот! – Ося уже потирал руки в предвкушении чего-то такого, о чём мне пока не полагалось знать, я же с нетерпением и некоторой внутренней дрожью ожидал, какую же каверзу он мне на этот раз устроит. – Наше сознание, Вовчик, как тебе, наверное, уже известно, находится в мозгу, мозг в голове, а голова обретается на шее, – при этом Ося выразительно покрутил кудрявой головой. – Некоторые вульгарные марксисты-экспериментаторы предпочитают сначала вдребезги разбить пациенту голову, а уж потом начинают изучать, что у него там внутри, в мозговых извилинах. Это если что-то сохранилось. Я же намерен пойти по более либе-

ральному пути, то есть запустить в твою кровеносную систему несколько миниатюрных зондов, совсем крохотных, этих зондов-червячков, которые будут очищать организм от всякой ереси и скверны, а заодно должным образом направлять твою мысль, даже подсказывать нужные слова и вообще – осуществлять круглосуточный надзор на уровне головы, печени и некоторых других интимных органов, – Ося снова захихикал. – Эй, Вовчик, ю андерстенд? Полагаю, что кое-какие элементы внутреннего контроля с моей квалифицированной помощью уже внедрились в твою кровь во время давешнего ужина.

Я вздрогнул. Мне показалось, что толстый чёрный червь ползёт вдоль по моей аорте, покусывая по пути следования всё, что попадётся на его пути. Хоть красное кровяное тельце, хоть белое – всё сойдёт, когда голодный. Вот червь обозрел систему сердечных клапанов, мельком глянул, что творится в прокопченных бронхах, и, убедившись, что там, к сожалению, поживиться нечем, стал понемногу подниматься выше, к тому загадочному, волнующему воображение веществу, что скрыто в черепной коробке. Однако вот ведь незадача! Оказалось, червь по дороге так нажрался, что дальше ему, как ни крутись, как ни вертись, но точно не пролезть. Ну нет, так ведь нельзя. Надо что-то делать!

– Эй, доктор! – это кричу я, сам вроде бы не желая того внезапно превратившись в раздосадованного неудачей червяка. – Авария! Срочно принимайте меры!

И как отдалённый звон колоколов к заутрене, насквозь пронизав нежные жировые и кожные покровы, до него, то есть теперь уже до меня, ползущего по венам и артериям, длиннущего и мерзкого червя, донёсся голос Оси:

– А ну-ка, раздевайся и на стол!

– Ося, может быть, не надо? – взмолился я, уже снимая штаны и тем самым демонстрируя свою готовность положить последние остатки целомудрия на алтарь научного прогресса.

Но Ося был неумолим:

– Голубчик, что за мерзкая привычка то и дело манкировать служебными обязанностями. Откуда в вас столько тупого, я бы сказал, напыщенного эгоизма? Нельзя же так настойчиво скрывать то, что у вас внутри. Впрочем, сейчас мы и посмотрим, надо же определить, что там у нас произошло и как следует усовершенствовать мою методу, – с этими словами Ося взял со стола огромный никелированный тесак, и, напевая свою любимую арию из оперы «Псковитянка», стал примериваться, откуда ему удобнее было бы начать.

– Осик, дорогой, тебе помочь? – писклявый голос незабвенной Лёли раздался из звуковой колонки компьютера, а пышущее неженской ненавистью лицо внезапно возникло на дисплее. – Осик, у меня же есть богатый жизненный опыт. Я всегда прежде исполняла обязанности операционной сестры, когда ты бывал немного пьян и требовались услуги ассистента.

– Спасибо, голубушка! Помогать мне нет нужды, поскольку Вовчик никуда уже не денется. А впрочем, поддержи-ка его за ноги, чтобы не брыкался.

Из дисплея внезапно появились две огромные волосатые ручищи и, схватив меня за щиколотки, намертво прижали их к столу! И откуда только у виртуальных баб такая силища берётся, когда требуется надругаться над мужским достоинством?

Веня тем временем всё никак не мог выбрать место на моём животе, где следовало бы начать, и потому ходил вокруг стола кругами, напевая и бормоча себе под нос:

– От пупка иль от мошонки, от мошонки до пупка ль... – и наконец, отчаявшись найти точку приложения тесака, бросил его на пол: – Нет, ну вы только подумайте, до чего же довели страну!

Господи! Да от кого я это слышу!..

Только теперь я понял, для чего Ося пригласил меня – и в тот раз на ужин, и сейчас к себе домой. Я первый среди многих, на мне собираются проверять новую методику. А ну как всё закончится трагическим исходом? Нет, с такими мне не по пути – уж это точно! Мало того, что собираются принудительно прочищать мои мозги – а для чего ещё нужны эти их черви-зонды? – так ещё и разрежут, выпотрошат, а потом на меня же все свои неудачи спишут. Скажут, мол, народ до понимания того, в чём его безмерное счастье заключается, так и не дорос. Так и не оценил предложенную ему кучу всяче-

ских свобод и клятвенное обещание повсеместного обжорства. Да лопайте вы сами, если уж на то пошло! Только, желательно, чтобы где-нибудь подальше от меня. По крайней мере, тогда настал бы конец моим мытарствам и Осиным манипуляциям над моим несчастным пузом.

Был бы он и вправду меценатом, благодетелем, я бы ещё подумал, оценил возможные последствия, но в нынешних, весьма прискорбных обстоятельствах мне ничего другого не оставалось, как выбрать самый радикальный путь. И вот пока Ося в поисках то ли подходящего инструмента, то ли источника для пополнения моральных сил бродил по комнате, задумчиво что-то теребя в затылке, я изловчился, пнул волосатую ассистентку ногами в грудь, которая потными сиськами маячила на дисплее, свалился со стола на пол, затем недолго думая встал на четвереньки и пустился на утёк. А там уж, с ходу протаранив дверь, скатился вниз по лестнице до самого выхода из дома.

Глухая ночь раскрыла мне свои объятия. А кусты жасмина под окном позволили соорудить нечто вроде юбочки – ну не идти же до дома голышом! К счастью, добряк-таксист довёз меня, что называется, в кредит, а я потом уже деньги перевёл ему на банковскую карту.

Глава 6. Ведьмин круг

А не подать ли мне на Осю в суд? Скажем, за попытку изнасилования в особо извращённой форме. Такая мысль

нередко возникает, когда сталкиваешься с явной несправедливостью, а тут и вовсе чёрт-те что – ну разве допустимо так издеваться над законопослушным гражданином? Только ведь у него и мэр наверняка в друзьях, и адвокатов уйма. Вместо ответа на вопрос расскажу ещё одну реальную историю – если кто-то сомневается, могу ознакомить с документами. А началось с того, что в дом, расположенный в двух минутах ходьбы от Патриаршего пруда, осенью 2005 года пришли незваные гости. Сразу с порога заявили:

– Ваш дом старый, уже полсотни лет стоит без капитального ремонта, вот-вот может развалиться. Так не хотите ли переехать в новую квартиру, скажем, в Бирюлёво или в Бутово?

Все жильцы единодушно отказались – привыкли жить на Большом Козихинском, здесь и людей, знакомых с детства, много, а в получасе ходьбы Большой театр, не говоря уже о ГУМе, ЦУМе. К тому же дом хоть и довоенной постройки, но кирпичные стены едва ли не в метр толщиной, а перекрытия из лиственницы в идеальном состоянии, недавно проверяли. Это и понятно – дом строили для приезжих специалистов из Германии, а они не станут жить в какой-нибудь халупе.

Прошёл всего лишь месяц, и вот каждого жильца приглашают в суд – якобы дом в аварийном состоянии и непокорные жильцы подлежат принудительному выселению. Двое сразу сдались, а остальные решили побороться, ну вот и я...

А дело в том, что в доме жили моя мама и сестра, да и я обитал там много лет, пока не купил себе квартиру на юго-западе Москвы. Так что собрался защищать не только близких мне людей, но и в каком-то смысле своё прошлое.

Для начала изучил жилищное законодательство, прочитал Гражданский и Гражданско-процессуальный кодексы, Конституцию, ознакомился с аналогичными делами, прошерстив весь интернет, и только после этого стал разбирать то, что прислали из Департамента жилья ЦАО города Москвы. Иск был основан на распоряжении Валерия Шанцева, тогдашнего заместителя мэра Москвы Юрия Лужкова – там было чёрным по белому написано: выселить с предоставлением квартиры в указанном районе, то есть где-то на окраине Москвы. Сразу стало ясно, что на лицо два грубых нарушения: во-первых, выселение оформляется постановлением московского правительства, что предполагает кое-какое обсуждение и дискуссию, а во-вторых, в законе прописана альтернатива, то есть выплата выселяемым гражданам стоимости их жилья, чтобы могли самостоятельно купить себе квартиру в любом районе.

Обнаружив эти «неувязки», решил судиться со всеми – с Департаментом жилья ЦАО, с префектурой ЦАО, которая приняла решение о выселении на основе «писульки» Шанцева, ну и конечно же с правительством Москвы. Первым делом предстояло отбиться от иска Департамента жилья, и более того, опровергнуть все их аргументы – для этого я под-

готовил возражение из восьми пунктов. И что удивительно, сработало – на суде представитель департамента имел бледный вид, что-то лепетал невнятно, а мне предоставилась сто-процентная возможность добиться признания иска незаконным. Однако в это время сестра вела переговоры с департаментом по поводу предоставления жилья не в Бутово, а в другом районе, где-нибудь поближе к центру города, так что отклонять иск не имело смысла – надо было только убедить чиновников, что с нами шутки плохи. Рассмотрение дела по моей просьбе отложили, а дальше начинается самое интересное.

В Таганском суде должны были рассмотреть мой иск к префектуре ЦАО. И вот сижу у двери зала заседаний, вид у меня вовсе не воинственный, скорее удручённый, поскольку выступать с иском против префектуры – это же совсем не то, что уличить юриста Департамента жилья в бездарности. И тут мимо проходит судья, обращается ко мне:

– Это по вашему делу будет слушание?

– Да.

– Ну что ж вы приуныли? Сейчас во всём разберёмся, и нечего переживать.

Судья прошёл в зал заседаний, а я сижу в предбаннике и жду. Через некоторое время из зала выходит тот самый судья и уже не глядя на меня куда-то направляется чуть ли не бегом – судья по всему, вызвали к начальству. Жду полчаса. Дальше рассказывать не буду – зачем, если во время засе-

дания судья моих аргументов словно бы не слышал. Единственное, чего удалось добиться – дело отложили до завершения слушаний по моему иску к правительству Москвы, которые должны были состояться в Тверском суде. Только выйдя из здания Таганского суда я сообразил, что за полчаса председатель суда так обработал моего судью, что доказывать ему что-то было бесполезно.

По той же схеме проходило итоговое заседание в Тверском суде по моему иску к московскому правительству, за исключением того, что представитель ответчика не являлся в суд четыре раза. Ну а моя кассационная жалоба в Мосгорсуде была рассмотрена без затяжек, всего за несколько минут с вполне понятным результатом...

Однако в Краснопресненском суде дело ещё не закончилось. Прихожу туда и что же выясняется: прежнего судью отстранили от ведения дел, вроде бы даже обвинили в беспорядном пьянстве. Назначили нового – ранее он имел дело только с уголовниками. Юрист из Департамента жилья тоже новый – прежнего перевели куда-то на окраину Москвы. Ну а прокурор поразил наплевательским отношением к Гражданско-процессуальному кодексу – посреди заседания с разрешения судьи ушёл, когда понадобилось получить указания от своего начальства. Результат известен: судья признал законность распоряжения Шанцева о выселении.

Вероятно, сведущий в таких делах читатель скажет, что, коли принято «высочайшее» решение выселять, так оно и

будет, и нечего понапрасну тратить время на всякие там разбирательства. Да я бы и не стал туда влезать, если бы не получил возможность ознакомиться с решением суда по делу о выселении жителей дома на улице Красина – жильцы там победили Департамент жилья. Уже гораздо позже в разговоре с одной начальственной дамой из этого департамента я так и объяснил ей свою настойчивость: у них же получилось, так почему не должно получиться у меня? Тем более и адвокат там был никудышный – я убедился в этом во время слушаний по аналогичному делу. Но всё оказалось очень просто, даже примитивно: выслушав меня, дама только улыбнулась, не произнеся ни слова, ну а я понял, что без взятки там не обошлось. Выходит, сплочённый коллектив жильцов всё-таки способен одержать победу в конфликте с властью! Если только нужную сумму наскребёт.

К этому времени сестра уже добилась снисхождения от чиновников Департамента жилья – на этот раз предложили квартиру недалеко от уголка дедушки Дурова, всего в полкилометре от Садового кольца. Вроде бы на этом можно успокоиться, но я попытался довести дело до конца. С некоторым опозданием обнаружив неувязки в акте о признании дома аварийным (речь о доме на Большом Козихинском), обратился в РОВД по месту расположения организации, выдавшей такой вердикт, с обвинением в искажении фактов. И вот через некоторое время меня вызывает дознаватель и кладёт на стол акт о признании того же дома подлежащим...

капитальному ремонту. Как это так? Оказалось, что после того, как Департамент жилья обратился в суд с требованием о выселении, та самая организация изготовила новый акт – видимо, подстраховались на случай, если кто-то обвинит в фальсификации, и не зря. А у меня остался лишь один вопрос, который немедля задал лейтенанту-дознавателю:

– Как такое безобразие возможно?

Лейтенант ответил вопросом на вопрос:

– Вы что, не понимаете, в какой стране живёте?

Такие вот дела. Но при чём же здесь тот самый ведьмин круг? Здесь же речь идёт о людях, а не о грибах – это говорушки или рядовки нередко образуют круг в лесу, можно набрать полную корзину. Однако не приведи господь оказаться внутри такого круга, когда наивно надеешься добиться справедливости – куда не повернёшься, везде одно и то же, и вот стоишь и думаешь, как поступить. Разорвать этот круг не в силах, можно лишь добиться снисхождения, если очень повезёт. А потому дам такой совет: судиться с властью не имеет смысла, поскольку всегда и во всём прав тот, у кого больше прав. А в качестве доказательства расскажу ещё одну историю.

Представьте, что некий гражданин, выйдя на пенсию, решил заняться литературным творчеством и заключил лицензионное соглашение с компанией, распространяющей электронные книги. За проданные книги ему начислялось вознаграждение, составлявшее в среднем двести пятьдесят рублей

в месяц – от двадцати до тридцати рублей за каждую книгу. И вдруг он узнаёт, что пенсия его не индексируется и более того, он лишён региональной социальной выплаты, а в сумме это составляет более четырёх тысяч рублей, – всё потому, что теперь считается работающим пенсионером. Мало того, ещё и требуют возмещения убытков, причинённых государственному бюджету Российской Федерации!

Конечно, можно прожить и без этих доплат от щедрот государства – много ли пенсионеру надо? Но возмутило меня в этой истории, по сути, хамское отношение, да и положения Конституции нарушены – ну о какой справедливости может идти речь при таком раскладе? Подумалось: а не подать ли в суд на правительство России? Однако этого блюда я уже накушался...

Воображения писателю не занимать, и вот представил я себе, что оказался на приёме у президента. Рассказал ему всё, так мол и так – с пенсионером поступили несправедливо.

Реакция была мгновенная – президент нажал на кнопку селектора и приказал вызвать на ковёр премьер-министра. А затем развёл руками:

– Ну что прикажете мне с ними делать? Пороть? Так вроде бы запрещено, – и словно бы в оправдание того, что произошло: – Не могу же я заниматься делами каждого пенсионера, ведь никаких сил тогда не хватит. Но в одном вы правы, это безобразие! – и после паузы: – Так почему же он не

жаловался?

– Писал и в пенсионный фонд, и в правительство, но отовсюду получал отписки. Все, словно под копирку разъясняли ему суть закона, согласно которому пенсия работающего пенсионера не индексируется.

– Да, помню, был такой закон. Знал бы, что в нём дыра, ни за что бы его не подписал! – потом задумался и после короткой паузы спросил: – А почему уполномоченному по правам человека не догадался жалобу послать?

– Ну как же, в первую очередь ей и направил, причём электронное письмо, однако в ответ получил почему-то заказное. Пришлось сходить на почту, постоять в очереди, и всё только для того, чтобы прочесть ссылку на тот самый закон.

Президент аж крякнул, помотав головой:

– Да уж, тут явная недоработка...

– Но самый удивительный ответ ему прислали из правительства. По их мнению, работающий пенсионер обязан сам компенсировать инфляционные издержки.

– Безобразие! Куда наши депутаты смотрели, когда голосовали за такой закон?

– Кстати, в Госдуму он тоже написал. Оттуда ответили, что оппозиционные партии подготовили пять вариантов поправок к тому самому закону.

– Делать им нечего! Занимаются ерундой вместо того, чтобы мне доложить о непорядках...

Тут президент прав – без его отмашки правящая партия

не пропустит ни один из этих вариантов. Впрочем, можно успокоиться на том, что сокращение размера пенсии – это как бы вклад пенсионера в преодоление кризиса в экономике, вызванного санкциями Запада...

И тут вдруг меня осенило: ведь если президент подписал закон, теперь ни один чиновник, ни один депутат нынешней Госдумы, ни один судья не признает, что его содержание абсурдно и более того – противоречит конституции страны. Вот потому то и возник тот ведьмин круг, в котором все мы ненароком оказались.

Глава 7. Я зомби?

Трудно поверить, но это факт: я – зомби! Эта мысль пришла мне в голову неожиданно, как озарение. Хотя какое уж тут озарение – скорее, тьма! С чего бы вдруг? Вроде ничего такого в моей жизни не случилось, что указывало бы на принадлежность к сообществу бродячих мертвецов. Учился в школе, закончил институт, да и потом ни у кого не возникало ни малейшего сомнения в том, что я вполне нормальный человек. И внешне ничуть не походил на этих нежитей – будь я одним из них, наверняка бы все шарахались от меня, а было совсем наоборот. Это вовсе не значит, что дамы строили мне глазки, а мужики набивались в друзья, но ведь и то следует признать, что регулярно принимал участие в застольях по случаю дня рождения коллеги или же сокурсника, не говоря уже о всенародных праздниках, когда прихо-

дилось так или иначе соответствовать, хотя привычнее для меня было седьмое ноября. Нет, это вовсе не потому, что закоренелый коммунист, да я и в партии никогда не состоял, однако трудно избавиться от того, что намертво засело где-то в подсознании.

И вот стою как-то перед зеркалом и не могу избавиться от сомнения: я это или же не я? То есть всё вроде бы на месте – руки, ноги, голова. Но вот глаза... Именно в них отражается внутренняя жизненная сила, по ним можно определить, жив человек или его уже нет. И вот смотрю, а глаза уже не те, что прежде – словно бы передо мной робот, действующий по кем-то заданной программе. Так потому и возникло подозрение, что зомби!

С чего бы вдруг? То есть почему произошла подобная метаморфоза? И вот после долгих размышлений пришёл к такому выводу – во всём виновато телевидение. Понял это после того, как прочитал откровения Даниила Дондурея, в то время главного редактора журнала «Искусство кино»: «ТВ – главный инструмент производства национальной культуры, создания образцов поведения. Институт объединения живущих на одной территории людей в нечто целое. Это невидимые секретные службы по управлению страной, экономикой, человеческим капиталом, обеспечению национальной безопасности. Это "картины мира" для миллионов граждан. По своему воздействию на них телевизор вполне сопоставим с семьёй и школой, влиятельнее церкви и многих других ин-

ституций». Вот оно как! Да уж, с Дондуреем не поспоришь – всё потому, что прав.

Возьмём, к примеру, женщину средних лет, домохозяйку. Почти весь день она тратит на просмотр того, что предлагают ей телеканалы. Остальное время уходит на приготовление еды и прочие заботы по дому. Подумал, а что, если таким образом происходит построение другой реальности? Да так оно и есть! И в этой реальности все мы действуем как зомби – бежим покупать лекарства, которые по сотне раз в день втюхивает нам телевизионная реклама, либо продукты, хотя под завязку забит ими холодильник, либо новый смартфон, хотя и старый в общем-то вполне устраивал. Но что поделаешь, если уже набекрень мозги, то есть своих как бы уже нет, а им на смену приходит телевидение – всё расскажет, всё подскажет, но только в пределах той, другой реальности.

Однако с чего бы вдруг, с какого перепугу нормальный человек поверит в те небылицы, которые нескончаемым потоком обрушиваются на наши головы? Конечно, не поверит! Поэтому и стараются создать из каждого из нас некое подобие зомби, которое действует по указке и ничуть не сомневается в том, что это делается для его же блага. Первейшая роль принадлежит в этом деле телесериалам, производство которых поставили на поток. Незатейливые, не требующие умственных усилий, они приводят к тому, что в голове телезрителя происходят необратимые процессы. Та часть мозга, в которой заложена способность к самостоятельному анали-

зу того, что происходит в реальной жизни, по сути, отмирает, а вместо неё как бы работает привнесённая извне программа, диктующая нам: не забивай себе голову сложными, глобального характера проблемами, тебе всё разжуют, а ты радуйся тому, что есть, и не сомневайся ни в чём, что за пределами житейских забот, вне узкого семейного круга и общества твоих друзей, подруг.

Вот и Пётр Авен, председатель совета директоров компании «СТС Медиа», признавал успешность внедрения такой программы: «С точки зрения качества телевизионного продукта, мы пошли вверх, потому что у нас сформирована вполне разумная и большая аудитория». Ну да, вполне разумная, если оценивать её с позиции бизнесмена, для которого главное в жизни это прибыль. Поэтому ничуть не удивляет признание театрального режиссёра Кирилла Серебренникова, сделанное лет десять назад: «Если говорить о телевидении и о той сфере, с которой я общаюсь каждый день, о театре, могу сказать: от уровня публики, приходящей к нам от телевизоров, можно упасть в обморок». Ныне режиссёр живёт во Франции, но вряд ли ситуация там гораздо лучше.

Анатолий Лысенко, один из основателей ВГТРК, сожалел о том, что произошло: «Я начинал, когда ТВ было творчеством, потом ТВ стало на какой-то короткий период творчеством и политикой. Сегодня это прежде всего бизнес и политика, творчество опустилось на третье место. А бизнес – это цифры, рейтинг. Конечно, я тоже стремился добиться по-

пулярности, чтобы наши передачи смотрели больше, но всё подчинять рейтингу – нет. Я не сумел бы уже работать на таком телевидении. Это для другого поколения». Ну да, для тех самых зомби, которых воспитали руководители телеканалов, для кого на первом месте прибыль, рейтинг и т.п.

А вот мнение анонимного телезрителя, которое я нашёл тоже в интернете: «Что касается политических программ, то они просто убивают. Кажется, что все каналы вместе и заранее определяют темы, которые будут обсуждаться. На всех каналах одно и то же. Эксперты, по-моему, не всегда успевают перебежать с одной передачи на другую. Я понимаю, что новости – они и есть новости, но их тоже можно рассматривать с разных точек зрения, есть разные нюансы новостей. Но каналы и их редакторы не хотят, очевидно, заморачиваться, и делают всё как под копирку. Сначала без остановки обсуждали Украину, как будто в огромной стране говорить больше было не о чем, теперь только о коронавирусе. Это очень важный вопрос, вопрос жизни и смерти, но жизнь не стоит на месте. Создаётся впечатление, что задача таких политико-информационных программ создать напряжение в среде зрителей и поддерживать его как можно больше. Плохие новости и отрицательные эмоции дольше удерживают внимание. Положительные эмоции нужно создавать, материалы для них нужно разрабатывать, а негатив сам за себя работает».

Не могу не согласиться – в нашей стране есть множество

нерешённых проблем, которые следовало бы обсудить в политических ток-шоу, но, как правильно отметил Пётр Авен, мы не имеем возможности влиять на телевидение. Словно бы это некое государство в государстве, игнорирующее основы демократии.

А вот ещё один пассаж, причём весьма эмоциональный: «Но еще больше раздражают развлекательные программы. Это просто паноптикум какой-то! Программы либо переделаны из иностранных аналогов или придуманы очень ограниченными людьми для ещё более ограниченных зрителей... Постоянная публичная стирка грязного белья просто шокирует. Я, во-первых, не понимаю как можно [публично] обсуждать свою личную жизнь, рассказывать о своих секретах, даже за огромные деньги, а во-вторых, как можно изо дня в день смотреть все эти откровения».

И в завершении слова, под которыми готов подписаться: «На нашем большом телевидении деньги и рейтинги оказались несовместимы с интеллектом, истинной увлеченностью и профессионализмом. Пока "пипл хавает" можно гнать пошлятину, тупизм, неприкрытую глупость, враньё, грязь во всех видах».

Увы, этому не стоит удивляться, поскольку процесс превращения людей в послушных зомби продолжается, идёт «опережающими темпами» и вот-вот успешно завершится...

Только бы мне повидаться с Осей и больше не нужно ничего! Даже после той, несостоявшейся его попытки исполь-

зования в наших общих интересах достижений современной хирургии с целью обозрения моих внутренностей. Эх, зря я тогда, пожалуй, отказался! Теперь бы не пришлось блуждать в потёмках в поисках выхода из тупика. Что ж, напросился в гости...

За бежевыми шторами сгустилась ночь с одиноко торчащим посреди неё шпилем сталинской высотки на Кудринской, бывшей площади Восстания. Ося, одетый, как и положено в столь поздний час, в чёрное, с огненно-рыжими дракончиками кимоно, развалился в кресле, а ваш покорный слуга, совсем без сил, примостился подле него на мягком пуфике. И вот что я сказал:

– Ах, Ося! Если бы ты знал, как тяжело сознавать, что я всего лишь марионетка в чьих-то недобросовестных руках. Особенно вот сейчас, когда понял, зачем существует телевидение, – я сидел, обхватив голову руками и, как полагается в таких случаях, раскачивался из стороны в сторону.

– Да ладно тебе, Вовчик. Пройдёт время, и всё понемногу образуется. А я со своей стороны помогу тебе, чем можно, только ты не дрейфь. Не хочешь смотреть российские программы, так я тебя к европейским каналам подключу, есть такая уникальная возможность.

– Добрая ты душа, Ося! Удивляюсь я, глядя на тебя. Если бы не ты, даже и не знаю, чем бы заняться вечером, когда уже не работают мозги после того, как целый день просидел над новой книгой.

– Что уж тут удивляться? Привязанность к братьям нашим меньшим это естественное свойство всех нормальных людей, – сидя на диване, Ося поглаживал голову любимого пса и, глядя на меня, щурил правый глаз и снисходительно улыбался.

– Ах, если бы все так рассуждали! – по-прежнему не уни-мался я. – Однако то, что происходит сейчас, просто не укла-дывается ни в какие привычные для меня морально-этиче-ские рамки. Дошло до того, что я даже боюсь сегодня дома появляться. А вдруг опять включу этот проклятый телеви-зор?

– Не надо было неразделённую любовь к искусству пре-вращать в своё политическое кредо. Чувства, как тебе долж-но быть известно, в делах только вредят, – Ося повернулся лицом к компьютеру, где, как всегда, маячило озлобленное личико незабвенной Лёли. – Ему, видишь ли, не по душе ры-ночные методы в создании телевизионного контента, – И об-ращаясь снова ко мне: – Тут ты, Вовчик, что не удивительно, явно перегнул, так сказать, подменил несоизмеримые мас-штабы. Действительно, бывают на свете и хорошее кино, и правдивая информация, но это совершенно из другой оперы. А наша задача, как я её понимаю, не потакать вкусам таких ценителей искусства, как ты, а следовать заданным путём, не отступая от ранее намеченной нами линии буквально ни на шаг и ни в какую сторону...

– Но Ося! Я, можно сказать, всей душой готов тебя по-

нять, но ведь и ты... – тут я запнулся, так и не решившись
Осю в чём-то обвинить.

– Вот ты опять перебиваешь! – Ося оттолкнул пса и указательный палец освободившейся руки направил прямо в центр моего лба, словно бы обнаружил там подлежащего уничтожению комара или какую-то другую живность. – В иных обстоятельствах я бы наказал тебя именно за постоянный переход на личности и назойливую демонстрацию неуважения к нашим идеалам. Однако в данном случае мною руководит не разум, но всего лишь чувство сострадания. И оно не находит возможным оставить тебя вот в этом состоянии просто так, – тут Ося оглядел меня с головы до ног и, судя по всему, пришёл к неутешительному итогу. – У тебя неважная динамика, Вовчик. По моим многолетним наблюдениям, ты склонен к сползанию в беспредел путем вхождения в раж, то есть в запой, с последующим длительным выползанием из оного. Вот и сегодня ты скулишь и жалуешься на неустроенную жизнь, а завтра напьёшься и провалишь порученное тебе дело. Честное слово, Вовчик, так нельзя! Даже и не знаю, как нам быть.

– Но Ося, я только изредка выпиваю, по праздникам или с друзьями. Вот и с тобой тогда, в «Савое», – я попытался оправдаться перед Осей, но он меня уже не слушал.

– Или возьмём тот эпизод, когда ты нанёс неизлечимую душевную травму Лёлечке и дал дёру прямо с операционного стола, попутно обвинив меня в применении методов си-

гуранцы и гестапо, – Ося до предела поднял густые брови, выпучил глаза и как бы в полнейшем недоумении развёл руками. – Ну скажи на милость, откуда что взялось? Разве не я поддерживал тебя советами, пытаюсь направить на путь истинный? А если к этому добавить то, что был вынужден выслушивать твоё нытьё уже и не помню сколько раз, тогда ты должен признать, что у меня просто ангельское терпение, – при этом вопреки произносимым словам на лице Оси явно обозначились признаки нарастающего раздражения.

– Я же и говорю, что ты мой Альхен... – я всё никак не мог сообразить, какими бы словами успокоить благодетеля.

– Вовчик! Ты мог бы стать интересным собеседником, но вот беда, срываешься на брань по самому пустяшному поводу. Уровня дискуссии, ну никак не удержишь. – Ося вскочил с дивана и теперь быстрыми шагами расхаживал по комнате. – У тебя начисто отсутствует чувство меры. Это касается и твоих личных выпадов против меня. Пойми же, наконец, что есть вещи, которые просто нетерпимы в приличном обществе. Ты однозначно нуждаешься в одёргивании, иначе тебя периодически заносит.

– Ося! – взмолился я, – Ося, больше этого никогда не будет!

– Остается лишь опровергнуть твой идиотский постулат о том, что наше телевидение предназначено для того, чтобы превращать людей в послушных зомби. – Ося в изнеможении плюхнулся на диван и, уже не глядя на меня, замахал пе-

ред моим лицом руками. – И не перебивай! Так вот, ты мне уже неоднократно заявлял, что считаешь себя свободным художником, фрилансером, которому дозволено всё, даже написать сатирический пасквиль на члена нашего правительства. В сущности, это твоё личное дело – о чём писать. Однако даже ты обязан когда-нибудь решиться на признание в том, что тут есть явная несправедливость по отношению к тем, кто выбивается из сил, пытаясь обеспечить людям процветание, – Ося снова смотрел на меня и его вылезающие из орбит глаза выражали одновременно злость, нестерпимую муку и что-то очень похожее на робкую надежду. – Запомни, что первый признак разложения личности, будем здесь точны, это ни что иное, как злоупотребление своим талантом. Я имею в виду использование во зло того, что тебе дано от Бога, по причине искаженного восприятия окружающего мира и преувеличения собственной значимости. Ты упиваешься своей властью над читателем, то есть возможностью втюхивать ему всё, что в голову взбредёт, однако подумай при этом о других. Неужели до сих пор не понимаешь, что им предстоит читать твои рассказы о власть имущих и делать соответствующие выводы. А результатом станет угнетённое состояние, снижение производительности труда и сокращение уровня зарплаты. Зачем ты явно не чужих тебе людей на это обрекаешь?

Ну вот! Стоит только завести с Осей о чём-то разговор, как непременно всё сводится к деньгам, словно бы кроме них

нет ничего более достойного нашего внимания в этом мире. А так хотелось поговорить о чём-нибудь прекрасном. И ещё очень хочется, чтобы он защитил меня и приласкал – ну не так, как пса, но тоже было бы приятно.

Даже и не знаю. Наверное, я напрасно затеял этот разговор, однако куда же мне деваться? Ведь если он по собственной инициативе пожелал стать для меня «вторым я», тогда к кому же мне ещё пристало за советом обращаться? Но согласиться с тем, что способствую обнищанию своих читателей, я никак не мог – ведь книги распространяются бесплатно! А Ося тем временем уже подводил итог нашей затянувшейся беседе:

– Вовчик, дорогой, что у тебя было по истории? Не сомневаюсь, что твёрдая арифметическая единица. Пора бы знать, что после идеологической победы захваченная территория всегда отдаётся на разграбление войскам. Так что у тебя весьма ограниченный выбор вариантов, – видя моё отчаяние, Ося протянул носовой платок и уточнил задачу: – В общем, или перестань писать книги, или компенсируй читателям снижение их зарплаты, которое неизбежно случится по твоей вине. И нечего тянуть кота за хвост, тем более что предложение тебе сделано, на мой взгляд, более чем гуманное и вполне приемлемое.

Да, судя по всему, неважные у меня складываются перспективы. И главное, что, в сущности, не из чего выбирать, потому как ни то, ни другое совершенно не приемлемо.

Неужели придётся бежать туда, где уже никто не запретит мне «нести просвещение уму и сердцу»?

Глава 8. В меня вселился бес

За последние тридцать лет немало людей покинуло Россию. Уезжают по разным причинам – кто-то едет за деньгами, за «длинным рублём», кто-то уезжает потому, что уже потерял надежду на то, что Россия станет европейской страной, конечно, в его понимании. Ну а представителям непримиримой оппозиции на родине уже ничего не светит, поэтому надо искать другое место, где поймут и приласкают.

А вот у меня никогда не возникало желания уехать и жить в другой стране. Всё потому, что здесь родился, здесь могилы моих предков и только исключительные обстоятельства могли бы заставить меня принять решение уйти, уехать и никогда не возвращаться. Какие? Вот об этом и пойдёт речь.

Сразу оговорюсь, что к непримиримой оппозиции никогда не принадлежал, хотя в конце 80-х идеи либералов и демократов были мне близки. Потом во многих из тогдашних кумиров я разочаровался – по разным причинам, из которых главная заключается в том, что перестал верить в их искренность, в то, что на первом месте для них забота о своей стране, о благополучии всех её граждан, а не только о тех, кто полностью, беспрекословно разделял их убеждения. Все остальные для них холопы, быдло.

Вот что написал когда-то один из видных представителей

оппозиции Борис Немцов: «На самом деле проблема России – это россияне. <...> Российский народ, по большому счету, разделен на две неравные группы. Одна часть – это потомки крепостных, люди с рабским самосознанием. Их очень много и у них есть лидер – В.В. Путин. Другая часть (меньшая) россиян рождена свободными, гордыми и независимыми. Лидера у них нет, но он им и не нужен». Тут можно обойтись без комментариев. Гораздо интереснее мнение историка.

В 2006 году в «Новой газете» была опубликована статья Юрия Николаевича Афанасьева, одного из самых ярких представителей демократического движения в конце 80-х и в начале 90-х годов. Вот к каким выводам пришёл историк, размышляя о том, что случилось с Россией в прошлом веке: «Столетиями пребывая в состоянии угнетения и духовного рабства, оно однажды (если не углубляться дальше XX в.) взбунтовалось, и в 1917 г. одних угнетателей сменили другие. Эти другие измывались над населением пуще прежних и уничтожали его десятками миллионов. Потом, в самом конце того же века, оно снова не то пробудилось, не то возбудилось. В результате – кратковременная, даже молниеносная по историческим меркам вспышка надежды и не вектор даже, а скорее намёк, некий абрис движения к свободе. А потом – олигархи, коррупция, вертикаль, диктатура закона. <...> И снова тишина. Благодаря лавине нефтедолларов это население, как и подобает рождённым в неволе, свыкшимся

с ней, опять погрузилось в состояние молчаливой покорности». На самом деле процесс погружения всё ещё идёт, и надеюсь, далёк от завершения.

В начале января 2015 года в интернете появилась статья Сытина, в которой он подверг критике отношение властей к аналитикам, которые призваны «не только следить за текущими событиями, анализировать их, обрабатывать разнородную и зачастую противоречивую информацию, но и доносить её до властей имущих и принимающих решения людей». Смысл этого взволнованного обращения сконцентрирован в следующей фразе: «Страна, которая отказывается кормить своих политических аналитиков, рано или поздно будет вынуждена кормить чужих». Александра Николаевича можно понять – в октябре 2014 года он был уволен из Института стратегических исследований по «идейно-политическим мотивам».

Я тоже причисляю себя к аналитикам, однако на зарплату от властей имущих не претендую, поскольку не вполне согласен с их политикой. Это нельзя назвать внутренней эмиграцией – многое из того, что делает власть, я одобряю. Прежде всего, имеется в виду внешняя политика, а вот в экономике слабо разбираюсь, поэтому приходится верить тому, что говорят специалисты. Однако то, что происходит в культуре, особенно на телевидении и в книгоиздании – это я категорически не приемлю. Есть претензии и к медицине, и к судебной системе, и к социальной сфере – писал об этом в преды-

дущих главах. Всё это меня, что называется, «достало», поэтому в последнее время увлёкся написанием сатирических романов – понятно, что эти «жалкие потуги» ничего толком не изменят, но молчать уже не в силах. А временами возникает ощущение, будто в меня вселился бес – словно бы он диктует то, что я сейчас пишу. Есть подозрение, что он так и останется в моём сердце, в голове до тех пор, пока не покину этот мир. Жаль, если так, поскольку хотелось бы написать о чём-то светлом, «жизнеутверждающем», но мысли пока что о другом.

Вообще, выбор темы для писателя – это мучительный процесс. Вот вроде бы написал уже обо всём, что интересно, в чём способен разобраться, однако сидеть без дела не могу. Поэтому и пишу, стараясь по возможности выйти за пределы, которыми ограничены действия большинства представителей культуры и средств массовой информации. Но вот смогу ли я уйти совсем? «Сухой закон» я как-нибудь переживу, но если будет продолжаться процесс деградации литературы, кино и телевидения, если заставят подписаться на газету «Правда» или на её нынешний аналог, если снова, как в начале 80-х, нас с высоких трибун будут учить уму-разуму впавшие в маразм начальники, а толпа народных депутатов устроит им овацию, тогда не останется другого варианта, кроме как уйти. Да просто потому, что ещё один раз я этого кошмара пережить уже не в силах...

Самое время пообщаться с Осей. Ну почему бы не погово-

ритель о том, о сём, обменяться с ним жизненными впечатлениями. Что в этом зазорного, чем и кого тут можно обидеть или удивить? В конце концов, в каждом мало-мальски приличном человеке должно быть мощное «второе я», с которым он попросту обязан находиться в постоянном контакте, даже конфликтовать время от времени. Это ваш самый преданный советчик, который позволит избежать непростительных ошибок и на основе логических построений обрести душевную благодать, иначе говоря, столь необходимую устойчивость. Альтернативы этому не было и нет, потому как даже регулярные пробежки по утрам, тёплые ножные ванны на ночь и советы бывалых докторов не помогут вам выпутаться из очередного кризиса. Ну станете терзать себя и домочадцев, будете искать виновных в собственной бездарности где-то там, за пределами измученного неудачами своего сознания. В итоге же всё, что вам останется – это, присвоив себе некий псевдоним, чтоб ненароком не узнали, отправиться туда, где уже полным-полно таких же недоумков и слепцов, что бродят в поисках утерянного смысла жизни или же хотя бы вдохновения. Что это будет – виртуальное пространство или просто сон – не так уж важно...

Но вот опять всё та же знакомая картина – бежевые портьеры, ночь. И снова продолжается наш с Осей разговор.

– Вовчик! Ну почему ты этого стыдишься? Ведь это же самое милое дело, взять, да и предложить кому-нибудь себя. Спрос, как тебе известно, рождает предложение, – Ося сидел

за массивным письменным столом и, напялив на нос очки, изучал биржевые сводки на экране своего компьютера.

– А вот если тебя об этом попрошу. Я к тому, пошёл бы ты к кому-то в услужение?

– И не проси! – последовал лёгкий взмах рукой, так примерно отгоняют назойливую муху. – Твои просьбы, кроме убытков, не приносят буквально ничего. А коли нет прибыли, так и не о чем тут говорить.

– Ося! Ты прямо-таки марксистом стал. Это же он утверждал, что ради прибыли капиталист готов пойти на любое преступление.

– Дурак он был, твой Маркс! – Ося оторвался от дисплея, сдвинул очки на лоб и устремил сердитый взгляд прямо на меня. – Преступление, Вовчик, оно от слова преступить. Переступи ту самую черту, и всё окажется не так, как тебе отсюда видится. – И словно бы не на шутку обозлённый тем, что отвлекли его от важных дел, вдруг прокричал: – Нет, ты точно не от мира сего, если говоришь такие вещи! – И затем, как бы спустив пар, уже более спокойно: – Да ладно, брось, Вовчик! Всё это пустяки.

– То есть как это пустяки? – теперь уже меня начинало раздражать это Осино всегдашнее и нескончаемое лицемерие. – Бросить любимое занятие, перестать писать книги и продаться с потрохами то ли власть имущим, то ли какому-то барыге... Это, по-твоему, пустяк?

– Нет, это не пустяк, Вовчик, – Ося отложил очки и, про-

должая внимательно рассматривать меня, закурил сигару. – Это, мой милый, высокое искусство! Вызвать интерес у покупателя, такая задачка потруднее даже, чем книгу написать. Да и кто её у тебя купит, между нами говоря? Кто ты такой? Я бы так сказал, прежде чем своими книгами торговать, научись сначала продавать себя.

– Ося! Ну о чём ты говоришь? Ты бы ещё сравнил твои произведения Рубенса с вращением задом вокруг никелированного столба в ночном клубе, – все эти дремучие суждения влиятельных господ, ничего не понимающих в искусстве, никогда не вызывали во мне ничего кроме отвращения. Да, в общем-то, я этого и не скрывал.

– Что ж, пожалуй, тут ты прав. Рубенс и впрямь теперь копируется дороже, – Ося, попыхивая сигарой, вновь уткнулся в дисплей ноутбука и вдруг, рассмеявшись, снова воззрился на меня: – Знаешь, как говаривал один мой деловой партнёр, специалист по торговле недвижимостью и картинами известных мастеров, есть, друг мой, живопись, есть «выжопись» и есть, к великому сожалению, «вжопись», – тут Ося указал сигарой на меня и, откинувшись на спинку кресла, засучил в воздухе коротенькими ножками, – а ведь очень точно сказано, ты не находишь?

Веня всё ещё хохотал, а я так и не решил, как мне реагировать на его обидные намёки, тем более что в чём-то он был прав. Ну хотя бы в том, что торговать я и в самом деле ещё не научился.

– Тебе-то всё смешно. С тебя-то станется! Уж если ты меня вынуждаешь продать себя... – я закрыл руками лицо и сделал вид, будто вот-вот заплачу.

– Ну ладно, – Ося был явно раздосадован тем, что вроде бы не к месту сострил. – Вовчик, дорогой, нашёл время обижаться. Если хочешь знать, я тогда целую ночь не спал, обдумывая, как бы тебе сказать об этом поделикатней, подходчивей.

– Выходит, так и не придумал, как бы повежливее своего лучшего друга, по сути, отправить на панель?

– Ты спятил, что ли? Не можешь отличить доходный бизнес от паскудства? Нет, ну ты просто полный охломон!

– Чего ты лаешься?

– Да потому что неважный из тебя психолог. Не можешь понять, что тебе желают исключительно добра...

– Подумай, Ося! Ну что ты говоришь? Какое может быть добро в этом твоём гадючнике, во дворце лицемерия, корыстолюбия, стяжательства и алчности?

– Но позвольте, Вовчик! – Ося привстал и, отложив сигару, выпятил свою тщедушную грудь и по-бычьи наклонил голову. Короче, принял стойку профессионального бойца, готового к тому, что победить в очередном бою без правил. – В конце-то концов, кто здесь хозяин? Чей это дом? И я никому не позволю над всем этим издеваться.

– Прекрасно сказано! Мой, моя, моё... Ты даже Родину успел приватизировать. Вот в этом ты весь со своей дрему-

чей философией, – после сказанных им слов я уже не в состоянии был сдерживаться.

– Вовчик! Ну что за шулерство? При чем тут философия? – Ося уже выбрался из-за стола и, заложив руки за спину, расхаживал передо мной туда-сюда, по всей видимости представляя себя в роли учителя начальных классов. Ну а мне как обычно была предназначена роль плохо успевающего школяра. – Итак, Вовчик, для меня мой дом это и есть моя родина. Как это там... «превозмогая обожанье, я наблюдал, боготворя... здесь были бабы, горожане»... Ну и далее по тексту. А вы мне всё про итоги давно забытых залоговых аукционов. Это нехорошо! Это неуместно! Держу пари, у вас невроз навязчивости, поэтому вас с работы и попёрли, – не дав мне даже шанса оправдаться или возразить, Ося продолжал свои нравоучения: – Скажу вам больше. У людей, подобно вам пребывающих в плену навязчивых идей, до самого преклонного возраста сохраняется инфантилизм. Иными словами, имеет место упрощение проблем, переоценка своих сил, это уж как минимум. Вы часто наступаете на одни и те же грабли, как будто бы нет других возможностей. Ну скажите мне, зачем?

– Ты бы для начала со своими граблями разобрался, а то ведь неровён час... Или принял бы снотворное и не вешал свои сопли на чужой подол.

– Вовчик! Ваша наглость бесподобна. Однако не стоит острить на тему жизни, миновавшей вас. Чтобы иметь право

называть Россию родиной, надо было жить в ней, голодать в ней, хлебнуть изуверства вместе с её народом. А судить из тепленькой постели, да ещё когда под боком девка, для этого не надо как говорится быть о семи пядей в своём лбу.

– Твой совет «хлебнуть зверства» просто умиляет!

– Вовчик! Подвижки у вас, несомненно, налицо. Я всегда считал, что вы не безнадёжны, и даже кое-какая логика в ваших словах изредка присутствует. Однако что в таком случае для вас родина? Для Гоголя – это птица-тройка. То есть для него родина – это и тройка лошадей, и даже этот никому неизвестный погоняло. Для Блока – это летящая степная кобылица, которая между делом мнёт ковыль. Но вот кто-то сажает верхом на кобылицу усатого грузина – и они не делимы. И вот уже эту птицу-тройку оседлали – на каждом жеребчике сидит по седоку, холёные, мордастые представители партгосноменклатуры. Так что давайте договоримся не путать постоянную составляющую, то есть народ, и переменную, то есть сбрую, упряжь, кучера, режим, вождя, эпоху... Потому что я люблю Россию, как тот же самый чугунок с перловой кашей в русской печи, а вы любите марксистско-советскую страну, разрушившую ту Русь. Вы исповедуете лишь ненависть к богатым и называете это социальной справедливостью. Это же просто позор! – продолжая разглагольствовать, Ося уже успел напялить свой любимый халат с дракончиками, пригубил виски из хрустального фужера и потому чувствовал себя как милостию Божьей са-

модержец. – Ну вспомни, наконец, сколько уже раз та власть тебя насиловала, обманывала, унижала. Да ты же при «сухом законе» давно бы ноги протянул, если бы не я.

Тут уж я не вытерпел. Дай только ему волю, и он начнёт упрекать меня чёрт-те в чём.

– Ося! Всё не так! Да и не разрушал я этой печки, – честно скажу, мне стоило немалых сил, чтобы не засмеяться.

– Вот вы опять скатываетесь прямо-таки к патологической лжи. Ну что вы пишете в своих книгах? От корки и до корки лишь враньё! Все мои попытки что-то вам втолковать натыкаются на перевираание, скоморошество, уход от объективного анализа. Я думаю, не найдётся на свете человек, который скажет, что я не объяснил ему свою позицию. Всем всё ясно! С вами же ровно наоборот. Вы каждый раз нахально уходите от честного понимания моих взглядов. Будьте вы мужиком, а не злобной кобылицей. Хватит кусать в живот, лягаться и при этом ржать!

Ах, голова! Ну прямо-таки Макаренко и Жан-Жак Руссо в одном флаконе. Только откуда он это взял? Это я по поводу кобылы, которая одновременно и кусается, и ржёт. Видимо, это тот самый случай, когда валят с очумелой головы на вполне здоровую. Иной раз Ося напоминает мне мерзкого ворюгу-повара – жаркое из кошатины уже превратилось в угольки, а он всё пихает его тебе в рот, приговаривая про себя: «Чтоб ты подавился!»

И тут я понял, что так больше не могу. Да пропади они

все пропадом – и Ося с его нравами, и вся их камарилья! Хоть бы сгорел весь этот мерзкий дом со всеми его обожравшимися обитателями! Жаль, конечно, если не с кем будет посоветоваться, обсудить насущные проблемы, но уж для такого случая... В этот момент из компьютера вместе с невнятным шумом и топотом множества ног донеслись отчаянные вопли Лёлечки, а затем послышался вой пожарной сирены. И через некоторое время потянуло едким дымком.

Пока я размышлял по поводу того, как моё сокровенное желание могло так стремительно реализоваться, малоприятный запах трансформировался в удушающую вонь горелого пластика и прочей бутафории, которой был забит весь этот дом. Ещё через мгновение передо мной явился Ося в противогазе – размахивая огнетушителем, он что-то мычал, рычал, пытаясь перекричать объявление по радиотрансляции: «Всем немедленно покинуть здание!» Можно предположить, что Ося интересовался местоположением запасного выхода. Однако проблема заключалась в том, что в целях безопасности он был замурован. И это правильно! Через него могли проникнуть в Осину обитель люди, недостойные подобной привилегии. Существование такой возможности раздражало Осю, как некий намёк на то, что кто-то мало уважаемый или же вовсе незнакомый, пробравшись с чёрного хода, может получить гораздо больше, чем ему положено. Нет, пусть попробует пройти через парадный вход, но там же фейсконтроль и вооружённая охрана. И вот теперь Ося

оказался в тупике, поскольку перспектива сломать себе шею скатившись кувырком в крошечной тьме с парадной лестницы его явно не прельщала, вот и метался в поисках иного средства для спасения.

В непроницаемых клубках дыма затерялся вопящий что-то непотребное Ося. Погасли экраны компьютеров, а с ними провалилась в тартарары злая интриганка Лёлочка. Рассыпалась в пыль накладная позолота на стенах, рухнули на пол массивные люстры с подвесками из хрусталя, в винном погребе от жары полопалась бутылки...

А что же я? Теперь уже непросто в этом разобраться – похоже, интуиция сработала. Я подбежал к открытому окну и с ходу сиганул вниз.

Судьба писателя хранила...

Оглавление

Глава 1. Ультиматум

Глава 2. Житие святых

Глава 3. Театр марионеток

Глава 4. My way

Глава 5. Формула жизни

Глава 6. Ведьмин круг

Глава 7. Я зомби?

Глава 8. В меня вселился бес